

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

VIII Международная научная конференция
Москва, 17–19 ноября 2011 г.

Доклады и материалы

Секция 5
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Выпуск 2

Издательство Московского гуманитарного университета
2011

УДК 378 (06)

ББК 74.58

О 23

О23 Образование для XXI века: VIII Международная научная конференция. Москва, 17–19 ноября 2011 г. : Доклады и материалы. Секция 5. Проблемы культурологического образования. Выпуск 2 / отв. ред. А. В. Костина, Вл. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 78 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленных участниками VIII Международной научной конференции «Образование для XXI века».

Ответственные редакторы:

доктор философских наук, доктор культурологии

А. В. Костина

доктор филологических наук, профессор

Вл. А. Луков

© Авторы докладов, 2011.

© МосГУ, 2011.

Модернизация культурологического образования: электронные ресурсы Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

*Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин, Вал. А. Луков,
Вл. А. Луков, Ч. К. Ламажаа, В. А. Гневашева**

Проблемы модернизации образования решаются Институтом фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета в ряде электронных ресурсов. Задача этой публикации — познакомить участников конференции, вузовских и школьных педагогов, аспирантов, студентов и школьников, желающих расширить круг культурологических знаний, с уже осуществленными (при этом продолжающимися развиваться) проектами и новыми, только еще создающимися. В перспективе ИФПИ МосГУ ставит перед своим коллективом задачу создать систему ресурсов культурологического образования (трактуя его широко, включая ресурсы социологического, политологического, социально-психологического, философского, исторического и т. д. профилей).

Методологической основой этой системы является разрабатываемый коллективом ИФПИ МосГУ тезаурусный подход (см. о его содержании и применении работы: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008; Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008; Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008 (Глава 14. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания, с. 234–247); Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2009; Ламажаа Ч. К. Архаиза-

* Захаров Николай Владимирович, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований (ИФПИ) МосГУ, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук); Гайдин Борис Николаевич, старший научный сотрудник ИФПИ МосГУ, кандидат философских наук; Луков Валерий Андреевич, проректор по научной и издательской работе — директор ИФПИ МосГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, вице-президент Русского отделения МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО; Луков Владимир Андреевич, директор Центра теории и истории культуры ИФПИ МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь РО МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО; Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна, старший научный сотрудник ИФПИ МосГУ, кандидат философских наук, академик МАН (IAS, Инсбрук); Гневашева Вера Анатольевна, директор Центра социологии молодежи, ИФПИ МосГУ, кандидат экономических наук, член-корреспондент МАН (IAS, Инсбрук).

ция общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): Автореф. дис. ... доктора филос. наук. М., 2011; и др.). Контуры формирующейся системы электронных ресурсов культурологического образования просматриваются уже и сейчас. На данном этапе она включает следующие элементы:

Интернет-портал Московского гуманитарного университета, раздел сайта: «Научная деятельность». Адрес доступа ресурса: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/> **Руководитель проекта:** Ильинский Игорь Михайлович. **Контакты:** info@mosgu.ru

Раздел сайта информационного портала МосГУ «Научная деятельность» публикует информацию о мероприятиях, происходящих в научной жизни университета, анонсы конференций, научных форумах, научные статьи, монографии, учебные пособия, материалы научно-методического характера, материалы конференций (подраздел «Научные конференции»), симпозиумов, «круглых столов» (подраздел «Научные публикации»), дискуссии по актуальным научным темам, интервью с ведущими российскими учеными, рецензии, отчеты об исследованиях и другие научные работы, включая авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, защищаемых в научных советах МосГУ, которые отражают состояние и перспективы развития гуманитарных наук, достижения и проблемы высшего образования в России и в мире. В разделе представлены структуры, осуществляющие администрирование исследовательской деятельности МосГУ: «Институт фундаментальных и прикладных исследований», «Управление аспирантуры, докторантуры и научной работы», «Русский интеллектуальный клуб», «Научные подразделения Университета». Особый интерес представляет информация по «Научным школам», по «Научные проектам», которые ведутся в университете. Важными подразделами раздела «Научная деятельность» является представление научных изданий МосГУ, среди которых есть включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК: журнал «Знание. Понимание. Умение», «Научные труды МосГУ». Другие подразделы: «Студенческая наука», «Наши награды», «Наши партнеры», «Наша фотогалерея», «Полезные ссылки».

Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» Адрес доступа ресурса: <http://www.zpu-journal.ru> Проект был поддержан РГНФ (2006 г., номер проекта: 06-03-12301в). В настоящее время проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Луков Валерий Андреевич. **Ответственный секретарь:** Гайдин Борис Николаевич. **Контакты:** zpujournal@gmail.com, nauka@mosgu.ru

Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» публикует научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, «круглых столов», дискуссии по актуальным научным темам, информацию о научных мероприятиях, материалы научно-методического характера, рецензии, отчеты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы, которые отражают состояние и перспективы развития гуманитарных наук, достижения и проблемы образования в России и в мире, об успешном опыте российских государственных и негосударственных вузов, важных событиях, документах и прогнозах в области организации и финансирования науки и образования.

Работа редакции портала направлена на стимулирование творческой активности молодых ученых и преподавателей, привлечение к ним внимания со стороны общественности, средств массовой информации, органов государственной власти, на организацию их взаимодействия с известными современными учеными, на поддержку и развитие традиций российской науки, культуры, образования, повышение престижа научно-исследовательской и преподавательской работы.

Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб». Адрес доступа ресурса: <http://www.rikmosgu.ru/> Проект был поддержан РГНФ (2008–2010 гг., номер проекта: 08-03-12118в). **Руководитель проекта:** Ильинский Игорь Михайлович. **Контакты:** info@mosgu.ru

Портал «Русский интеллектуальный клуб» (РИК) предназначен для государственных и общественных деятелей, деловых людей, ученых и преподавателей, студентов вузов, всех, интересующихся общественно-политической проблематикой. Ресурс публикует научные статьи, тематические доклады, материалы дискуссий и другие научные работы. Подготовленные тексты могут быть использованы для дальнейшей обработки и широкого использования как учеными-гуманитариями, так и исследователями, работающими в естественнонаучных областях. Сфера науки и образования, широкая область социально-гуманитарных исследований — в философии, истории, социологии, политологии, экономике, культурологии. Анализ актуальных проблем современного развития, современные дискуссии вокруг «судьбы России», российского государства, русского народа как «государствообразующего», с привлечением ведущих специалистов в этой области, позволяет выработать экспертные заключения и рекомендации по широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики.

Информационно-исследовательский портал «Человеческий потенциал России». Адрес доступа ресурса: <http://www.hdirussia.ru> Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., номер проекта: 09-03-00798в/Р). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: инте-

грация науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Луков Валерий Андреевич. **Контакты:** info@mosgu.ru

В Информационно-исследовательском портале публикуются научные статьи, результаты эмпирических исследований, тематические доклады, материалы конференций по проблемам человеческого потенциала России. Эта работа выявит преимущества и особенные черты, которые имеет Россия в аспекте человеческого потенциала. Кроме теоретического значения, такая научно-исследовательская информация может стать существенной для работы органов государственной власти, СМИ, общественных объединений в формировании на международной арене позитивного образа России и ее людей. Публикация в электронном портале «Человеческий потенциал России» исследовательских материалов, включение материалов о достижениях россиян в различных сферах духовного творчества, культурных и технических инновациях, социальных и культурных проектах, традициях и инновациях, связи поколений позволяет лучше осмыслить человеческий потенциал как основное богатство России, сформировать подходы к экспертизе принимаемых управленческих решений в аспекте их влияния на состояние и изменения человеческого потенциала. Разработка теории человеческого потенциала, практическое использование при оценке человеческого потенциала, организации гуманитарной экспертизы, для организации социального проектирования. Собрание материалов, полезных для формирования положительного образа России в мире.

Информационно-исследовательская база данных «Социология молодежи». Адрес доступа ресурса: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/ifpi/csm/> Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., номер проекта: 09-03-12103в). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Гневашева Вера Анатольевна. **Контакты:** vera_cos@rambler.ru

Информационно-исследовательская база данных «Социология молодежи» представляет фиксацию научных результатов эмпирических исследований Центра социологии молодежи Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ. Это не только научный информационный ресурс, но и образовательный модуль, позволяющий студентам и аспирантам, изучающим гуманитарные дисциплины активно сочетать в своем учебном процессе теорию и практику, взаимодействовать по актуальным вопросам молодежной политики. Ресурс дает возможность обмениваться информацией с западными научными центрами, активно взаимодействовать по современным исследовательским направлениям «Социологии молодежи», база данных была представлена на Международном социологическом конгрессе (Гётеборг, Швеция, июль 2010). Электронный ресурс обра-

щен к широкому кругу пользователей информационного интернет-пространства: ученым, исследователям, общественным деятелям, аспирантам, студентам.

Информационный электронный журнал «Новые исследования Тувы». Адрес доступа ресурса: <http://www.tuva.asia> Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., номер проекта: 09-03-12130в). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Ламажаа Чимиза Кудерооловна. **Контакты:** lamaajaa@tuva.asia

Проект расширяет представления гуманитарной науки, исследующей Туву; открывает тувиноведение для диалога с мировой наукой и широкой общественностью. Проект знакомит с новыми теоретико-методологическими работами и прикладными исследованиями, помогает молодежи находить свою нишу в науке, способствует диалогу с политиками, выработке активной социальной позиции, вносит свой вклад в общественное развитие — модернизацию Тувы, России.

На сайте располагается основной проект — научный журнал «Новые исследования Тувы» и его подразделы: новостная лента — «Тува.Азия»; «Персоналии» (члены редсовета и редколлегии, авторы журнала); «Электронная библиотека» (каталог текстов, списки работ, в том числе со ссылками на иные ресурсы). Работа редакции журнала направлена на налаживание диалога между наукой столичной и региональной, между наукой, властью, широкой общественностью, на стимулирование творческой активности молодых ученых и преподавателей, начинающих исследователей, — для решения современных проблем модернизации Тувы. Электронное издание обращено к широкому кругу пользователей Интернета: студентам, аспирантам, исследователям, ученым в области гуманитарных наук (социальные теоретики, философы, социологи, культурологи, политологи, филологи), а также естественнонаучных областей; журналистам и пр. и др. из ряда научных центров России, зарубежья. Создание и развитие электронного информационного журнала направлено на консолидацию усилий ученых-гуманитариев, занимающихся исследованиями истории, культуры, общества Тувы и работающих в разных научных центрах России и зарубежья, а также общественно-политических деятелей, творческой интеллигенции, журналистов.

ИФПИ МосГУ разработал группу культурологических проектов с преимущественной филологической основой. Они касаются русской литературы (электронное научное издание «В. Г. Белинский», планируется аналогичный проект — «Н. Г. Чернышевский»), французской литературы (два проекта, охватывающих историю французской литературы от истоков до наших дней), английской литературы в ее взаимосвязях с литературой и куль-

турой России (наиболее разработанная часть общей системы интернет проектов, включающая подсистему из трех проектов, посвященных Шекспиру: «Русский Шекспир», «Мир Шекспира», «Современники Шекспира»). Кратко охарактеризуем эти проекты.

Электронное научное издание «В.Г. Белинский». Адрес доступа ресурса: <http://www.vgbelinsky.ru> Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., номер проекта: 09-04-12145в). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Гайдин Борис Николаевич. **Контакты:** +7 (499) 374-59-30; vgbelinsky@gmail.com

Проект предлагает в открытом доступе текстологически подготовленные собрания сочинений В.Г. Белинского разных лет в различных редакциях, а также отдельные статьи, рецензии и заметки, не попавшие в них и опубликованные в отдельных источниках. Также предполагается публикация избранной подборки журналов, сотрудником, ведущим критиком или редактором которых в разные годы являлся В.Г. Белинский («Телескоп», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», «Современник»). Проект направлен на решение как научных, так и прикладных проблем. Творчество В.Г. Белинского знаменует целую эпоху русской литературы и культуры России XIX века. Электронное научное издание «В.Г. Белинский» дает возможность предоставить доступ пользователям сети Интернет к изданиям с гипертекстовой разметкой, включающим как сами тексты, так и необходимый справочный аппарат (вступительные статьи, комментарии и т. п.).

Французская литература от истоков до начала Новейшего периода: **Электронная энциклопедия.** Адрес доступа ресурса: <http://www.litdefrance.ru/> Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., номер проекта: 09-04-12150в). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Луков Владимир Андреевич. **Контакты:** lookoff@mail.ru

Проект дает всестороннее представление и концептуальное структурирование материалов об историческом пути развития французской литературы, решает задачи теоретического осмысления проблем освоения французской литературы русской культурой, собирает и обобщает весь комплекс сведений об этапах развития литературы Франции, литературных направлениях, течениях, движениях. Большое внимание уделяется жанрам, системам жанров, началу формирования жанровых генерализаций. Параллельно выстраивается история французской литературы через персональные модели крупнейших французских писателей. Широко используется прием case study («исследование случая»): публикуются материалы научных исследований от-

дельных проблем, произведений и т. д. Результаты проекта могут быть использованы в научных исследованиях, преподавании французской литературы в высшей и средней школе, в культурной сфере (театр, кинематограф, телевидение, радио и т. д.), где требуются сведения о французской литературе, отдельных авторах и произведениях как просветительского, так и углубленного научного уровня.

«Современная французская литература: электронная энциклопедия». Адрес доступа ресурса: www.modfrancelit.ru Проект поддержан РГНФ, номер проекта: 11-04-12028в. **Руководитель проекта:** Луков Владимир Андреевич. **Контакты:** lookoff@mail.ru

Проект вместе с предыдущим составляют подсистему в системе интернет-проектов ИФПИ МосГУ, в совокупности проекты охватят материал всей французской литературы от истоков до наших дней. Нет необходимости характеризовать теоретическую, методическую стороны данного проекта: они соответствуют характеристикам предыдущего проекта. Их можно рассматривать как единое целое.

Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир». Адрес доступа ресурса: www.rus-shake.ru Проект был поддержан РГНФ (2005–2007 гг., номер проекта: 05-04-124238в). С 2008 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования». **Руководитель проекта:** Захаров Николай Владимирович. **Контакты:** russshake@gmail.com

Информационно-исследовательская база данных включает публикацию переводов произведений Шекспира на русский язык, вольных переложений и переделок его произведений, публикацию критических работ и исследований по общим вопросам творчества Шекспира, по проблеме авторства, истории шекспироведения, по отдельным произведениям великого драматурга, их театральным и кинематографическим версиям. Основное значение базы данных — рецепция наследия Шекспира в России и в ряде других стран, его влияние на русскую культуру, литературу и театр. Среди задач проекта — обеспечение справочными ссылками на обширные информационные ресурсы по Шекспиру в Интернете. Проект предполагает разработку и внедрение принципиально новой методики изучения наследия Шекспира в России с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий.

Мир Шекспира: электронная энциклопедия. Адрес доступа ресурса: <http://world-shake.ru> Проект был поддержан РГНФ (2008–2010 гг., номер проекта: 08-04-12128в). С 2011 г. проект входит в научный проект ИФПИ МосГУ «Гуманитарное знание: интеграция науки и высшего образования».

Руководитель проекта: Захаров Николай Владимирович. **Контакты:** russhake@gmail.com

Проект составляет оригинальную часть комплексного исследования творчества Шекспира и его мирового значения, теоретического осмысления проблем освоения творчества зарубежного писателя русской культурой. Собран и обобщен весь комплекс сведений о месте Шекспира в культуре России от первого знакомства с его творчеством в XVIII веке до наших дней: переводы, постановки на сцене, издания, кино- и телеэкранизации, шекспировские образы и сюжеты в живописи, музыке, балете, литературная, театральная, искусствоведческая критика, исследования, интерпретации, освещение на сайтах Интернета, представленность Шекспира и созданных им образов в повседневной культуре.

Информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира: электронное научное издание». Адрес доступа ресурса: www.around-shake.ru Проект поддержан РГНФ, номер проекта: 11-04-12064 в. **Руководитель проекта:** Захаров Николай Владимирович. **Контакты:** russhake@gmail.com

Проект направлен на решение задач теоретического осмысления проблемы историко-культурного контекста творчества Шекспира, взаимовлияния его творчества и творчества его современников, анализируются и обобщаются известные на сегодняшний день сведения о месте современников Шекспира в английской культуре и культуре России: издания, переводы, постановки на сцене, образы и сюжеты их произведений в живописи, музыке, литературная, театральная, искусствоведческая критика, научные исследования, презентация электронных библиотек и исследовательских ресурсов в Интернете, в повседневной культуре. Проект предполагает комплексное изучение шекспировской эпохи. Основной задачей проекта является всестороннее освещение деятельности литературных современников Шекспира, его предшественников — английских писателей (прозаиков, поэтов, драматургов), творивших в середине XVI — первой половине XVII века, чей расцвет творчества приходится на период царствования королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603), а также королей из династии Стюартов Иакова I (1603–1625) и Карла I (1625–1649). Авторы проекта планируют уделить внимание и современникам Шекспира за пределами Англии — видным деятелям литературы, культуры, истории Франции, Испании, России и других стран.

Представленные информационные ресурсы могут быть использованы как для сбора материала исследований, так и для организации учебного процесса. Уже в нынешнем виде проекты способствовали значительной интенсификации научно-исследовательской деятельности: появились научные монографии, диссертации, статьи, проведены серии «круглых столов», презен-

тации проектов на международных конференциях и т. д. Наступает время широкого использования этих проектов в сфере модернизации культурологического образования как в вузе, так и в школе.

Культурная атрибуция как метод исследования

*А. Я. Флиер**

Большая советская энциклопедия определяет атрибуцию (от лат. *attributio* — приписывание) как «установление авторов анонимных и псевдонимных научных и художественных произведений или же времени и места их создания (художественные школы, страны и т.п.). В искусствознании атрибуция основывается главным образом на анализе стилистических и технологических особенностей произведений (материала, композиции, индивидуальной манеры художника и т.п.)»¹. Историки дают сходное определение: «атрибуция — установление признаков, определяющих основные характеристики музейного предмета: название, назначение, форму, конструкцию, материал, размеры, технику изготовления, авторство, хронологию и географию создания и бытования предмета. В ходе атрибуции устанавливается связь музейного предмета с историческими событиями или лицами, с определенной этнической средой, расшифровываются надписи, клейма, марки и другие знаки, нанесенные на предмет; определяется степень сохранности предмета и описываются его повреждения»². Вопросы об использовании термина «атрибуция» психологами я здесь не касаюсь, поскольку в психологии употребление этого термина (казуальная атрибуция) преследует принципиально иные цели, связанные с пониманием мотивации поведения людей.

Но существует еще и культурная атрибуция, преследующая свои особые познавательные цели и являющаяся специфическим методом культурологических исследований. Хотя на практике этот метод используется довольно часто, но он представляется еще теоретически неотрефлексированным. Как правило, культурная атрибуция осуществляется исследователями в рамках применения метода культурологической типологизации. Но мне представляется, что методы типологизации и культурной атрибуции при всей

* Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

¹ Атрибуция // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1950. Т. 3.

² Российский Этнографический музей. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru>. Дата обращения 10.06.2011.

своей алгоритмической близости не тождественны по своим предметам и познавательным результатам.

Попробуем рассмотреть феномен культурной атрибуции, как метод исследования, его цели, способы, а в особенности то прибавление в знаниях, которое он дает.

Сначала определимся в том, чем культурная атрибуция отличается от атрибуции художественной и исторической (археологической, этнографической). Суть этого отличия связана с основной познавательной целеустановкой культурной атрибуции и представляется следующей. В отличие от художественной и исторической атрибуции, стремящихся к установлению *индивидуальных признаков* каждого объекта (его фактографической уникальности и выделенности из контекста), культурная атрибуция нацелена на установление принципиально иных, в чем-то даже диаметрально противоположных признаков. Здесь основной задачей является установление *типичности* изучаемого явления в рамках избранной культурной модели, его *нормативности* в рамках той или иной системы культурных порядков, а также совокупности его *контекстуальных связей*. Если атрибутируемые художественные или исторические черты объекта являются его *индивидуализирующими признаками*, то атрибутируемые культурные черты являются его *типологизирующими признаками*.

Понятно, что для осуществления такого рода культурной атрибуции требуется провести предварительное построение типологии, в рамках которой явление будет изучаться, осуществить систематизацию комплекса культурных порядков, по отношению к которым будет устанавливаться нормативность явления, а также очертить границы контекста, связи с которым для изучаемого явления будут исследоваться как социально значимые.

Вместе с тем, метод культурной атрибуции, будучи тесно связанным с методом типологизации, по некоторым своим признакам отличается и от него. Это отличие заключается прежде всего в том, что метод типологизации имеет своей целью систематизацию и классификацию *изучаемых объектов*. При этом проводится аналитическое расположение объектов в определенном, как правило, иерархическом порядке, основанном на том или ином систематизирующем принципе. Культурная же атрибуция исследует не сами объекты в каком-то их выделенном качестве, а именно это *выделенное качество* (свойство, черту, функцию) в его распределенности по объектам и изучает разные характеристики этого качества в его эмпирической представленности в разных объектах. Предмет атрибуции здесь не объект, а его определенное качество (свойство, функция).

Основной алгоритм проведения культурной атрибуции представляется следующим. В первую очередь выявляется и локализуется в своих признаках

некоторое свойство (черта, особенность, функция), интересующее исследователя и представляющееся значимым для научного познания, которое определяется в качестве ключевого для предстоящего анализа. Изучение этого свойства и параметров его выраженности в разных объектах и является предметом исследования. Затем устанавливается круг эмпирически наблюдаемых феноменов, на материале которых будет происходить изучение интересующего свойства. Это объекты исследования. После этого намеченный для изучения круг объектов систематизируется на основании определяемых в них большей или меньшей выраженности черт изучаемого свойства и особенностям функционального применения (использования) этого свойства, уровня нормативности в порядках его реализации, того, какие контекстуальные связи обеспечиваются этим свойством, и т.п. На первый взгляд — это примерно тот же алгоритм, что применяется и при типологизации, но, как уже говорилось, новое знание сконцентрировано не на самих объектах (такое знание обретается тоже, но оно в данном случае является лишь сопутствующим), а на выделенном свойстве, как значимом культурном явлении.

Таким образом, с одной стороны, создается типология объектов по степени и особенностям их отнесенности к данному свойству, но, с другой, предметом специального анализа и прибавления научного знания является интересующее исследователя свойство и его культурные функции. Культурная атрибуция — это прежде всего изучение определенных культурно значимых свойств по степени их выраженности и функциональной эффективности в разных объектах.

Приведу несколько показательных примеров. Скажем, исследователем ставится задача изучения порядка распределения разных социальных и культурных ролей в семейных гендерных отношениях народов мира. Кто является лидером и каковы пределы его властных полномочий в отношении иных членов семьи; кто — какими исполнителями и каковы пределы их эксплуатации в интересах семьи и пр. Гендерные отношения в семье — предмет исследования, изучаемое свойство. Объект — народы мира.

Сначала выстраивается гипотеза, предполагающая, что в разных культурных ареалах (очерченных преимущественно зонами распространения определенных религий и иных цивилизационных признаков) имеет место своя специфика в моделях социальных и культурных ролей в семейных гендерных отношениях. На основании этой гипотезы составляется умозрительная таблица наиболее вероятного типологического распределения таких ролей по культурным группам: христианские народы Европы и Северной Америки, мусульманские народы Ближнего и Среднего Востока, народы Южной Азии, народы Центральной Азии, народы Дальнего Востока, народы Сибири, народы Севера Евразии и Америки, народы Черной Африки, народы Полинезии,

индейцы Северной Америки, народы Центральной и Южной Америки. Выстраивается и умоглядная модель возможных вариантов распространения разных социальных ролей в семье. Затем по единому установленному алгоритму исследуются характерные варианты распределения социальных гендерных ролей в нормативных (культурно типичных) семьях каждой из этих региональных групп, степень жесткой обязательности такого распределения, система допустимых ситуативных вариаций, форм реального исполнения и разного рода символических манифестаций этих ролей, формальных симуляций и т.п. При этом номенклатура таких групп и распределение народов по группам по ходу исследования могут существенно корректироваться. После этого осуществляется сравнительный анализ специфики этих отношений по разным группам в отношении друг к другу и составляется сводная таблица распределения разных черт по группам и график их изменчивости. Может быть составлена и такая же таблица исторической динамики этих черт по стадиям социального развития исследуемых народов, по религиям, прослежены трансформации этих отношений у отдельных народов на протяжении их истории. Вариантов систематизации здесь может быть очень много.

В результате такого исследования будет получен большой и очень показательный эмпирический материал. Будет составлена единая сравнительная типология вариантов осуществления семейных гендерных ролей, распределенная как по регионам, так и по историческим эпохам. Будет проведен систематический комплексный анализ данной проблемы, который сможет выявить множество неявных регулятивных, когнитивных, коммуникативных и иных функций системы этих отношений. Произойдет прибавление знания, разумеется, и по культурам изучаемых народов, но в гораздо большей степени — по исследуемой проблеме многообразия социальных и культурных ролей в семейных гендерных отношениях, форм их проявления, нормативности, вариативности, акцентов на разных функциях и т.п. Систематическое изложение этого материала и анализ общих социальных функций рассматриваемого явления станет существенным вкладом в теорию культуры (прежде всего в систему знаний о традиционной культуре). Вот характерный научный результат, которого можно достичь методом культурной атрибуции.

Другой пример. Изучая вопрос о понимании природы и особенностей социального блага (т.е. конструктивных целей, на которые обращена социальная жизнедеятельность) в разные эпохи и в разных культурах — а это очень важный вопрос для понимания социокультурной картины мира у разных народов мира, — можно составить такую схему. В первобытную эпоху под социальным благом понимали в основном то, что обеспечивало демографическую устойчивость общины (с помощью культа рода и родства, сакрализации репродуктивной практики и пр.). В аграрную эпоху социальным бла-

гом считалось то, что обеспечивало культурную устойчивость сообщества (что достигалось в основном средствами религиозно санкционированного насилия и принуждения к культурно «правильному» поведению). В индустриальную эпоху — то, что обеспечивало социальную устойчивость сообщества (посредством совершенствования порядков социальной справедливости в обществе и роста экономического благосостояния, т.е. стимуляцией добровольного социально адекватного поведения). В постиндустриальную эпоху — то, что, судя по всему, может обеспечить политическую устойчивость сообщества (посредством снижения уровня культурных противоречий, расширяющих политическое единство, совершенствования системы культурного равенства всех его членов и обеспечения их прав на культурное самовыражение). Такая типологизация, с одной стороны, дает наглядное представление о векторе эволюции систем ценностных ориентаций в истории, и, с другой стороны, служит основанием для конкретной атрибуции той или иной культуры и отнесения ее к тому или иному этапу развития, по признакам данного критерия (который является очень фундаментальным в этом вопросе). И здесь первая возможность (осмысление вектора развития) представляется научно более важной, нежели установление критерия исторической атрибуции, хотя и последнее лишним не будет.

В принципе таких значимых свойств (черт, функций и т.п.) в культуре, на основании которых можно составлять ту или иную сравнительную культурную типологию и провести культурную атрибуцию, очень много. И чем неожиданней окажется избранное в качестве такого основания свойство, тем больше новых открытий может принести осуществляемая таким образом культурная атрибуция. Например, такое очень важное свойство культуры как *социальное доверие* затрагивают этнометодологи³. Социальное доверие и его историческая эволюция представляются мне блестящим основанием для проведения типологизации и атрибуции исторических культур. Скажем, в первобытную эпоху доверие строилось на кровном родстве (родственник надежней чужака), в аграрную — на религиозном и сословном единстве (единоверец и человек моего сословия заслуживает большего доверия, нежели чужой), в индустриальную — на верно определенном прагматическом интересе (нужно создать ситуацию, при которой клиенту должно стать выгодным быть честным) и т.п. Разумеется, это самые поверхностные предположения, но при

³ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007; Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение, 2009. Т. 8. № 1. Этот вопрос интересно рассматривается в кн.: Савелова Е.В. Миф и образование в структуре человеческого бытия и культуры. Хабаровск: Издательство ДВГГУ, 2010.

осуществлении капитального исследования этого явления могут быть выявлены очень многие мотивации культурно значимых предпочтений и действий в истории. Я не проводил еще такого исследования, но могу себе представить, как много научно значимого знания оно может принести нашим представлениям о культуре.

Т.е. мы видим, что культурная атрибуция — это прежде всего метод компаративного анализа историко-культурного или современного социально-культурного материала, с целью изучения определенной, выделенной социальной функции культуры (ее свойства), проводимый путем систематизации и типологизации всего многообразия проявлений этой функции у разных народов и в разные исторические эпохи. Показательно и то, что, хотя эмпирически изучается огромный исторический материал, основное прибавление в знании приходится в первую очередь на область теории культуры. При этом не открываются какие-либо новые факты. Производится так называемый «вторичный анализ» уже введенного в научный оборот материала, позволяющий раскрыть новые неявные, но социально значимые его черты. В этом видится основная особенность культурной атрибуции.

При этом, конечно, в той или иной мере устанавливаются разного рода значимости и объектов изучения — феноменов, на примере которых исследуется интересующее свойство. В этой связи возникает вопрос о том, в какой мере культурную или социальную значимость объекта, устанавливаемую методом культурной атрибуции, можно считать объективной. Думаю, что ни в коей мере. Любая значимость, во-первых, всегда ситуативна; при одном сочетании внешних обстоятельств, она одна, при ином их сочетании у того же объекта она совершенно другая. Во-вторых, значимость всегда является продуктом оценки объекта со специфических позиций того или иного субъекта восприятия, и в зависимости от его индивидуальных интересов, предпочтений или ценностных ориентаций может быть разной⁴. Культурная атрибуция объектов носит не комплексный характер (как в случае с художественной или исторической атрибуцией), а является частным определением места объекта в ряду других исполнителей некоторой выделенной функции или носителей некоторого выделенного свойства.

Вместе с тем, культурная атрибуция дает очень наглядное представление о социально-регулятивной значимости и эффективности тех или иных

⁴ Например: с точки зрения испанских конкистадоров, в большинстве своем рьяных католиков, каннибализм индейцев Америки служил основанием для того, чтобы приравнять их к диким животным и отказывать им в любых формах человеческого отношения. А вот с точки зрения современной этнографии, каннибализм — это нормальный этнографический обычай и в нем нет ничего плохого. Разве этнографические обычаи могут быть плохими?

функций и модальностей культуры. При этом освещается и актуализируется очень важная проблема разного рода фундаментальных дихотомий в существовании культуры. Такова, во-первых, дихотомия интегрирующей, социально солидаризирующей функции, обеспечивающей социальное сплочение коллектива и основные параметры его идентичности, а также индивидуально автономизирующей функции, обеспечивающей персонально-творческое начало в деятельности. Это дихотомия коллектива и индивида. И, во-вторых, такова дихотомия модальности мемориальной, традиционной, ориентированной на прошлое, на социальный опыт, а также модальности прогностической, ориентированной на будущее, на новацию, на преодоление традиции. Это дихотомия культуры-воспоминания и культуры-проекта.

В этой связи возникает впечатление, что социально интегрирующее начало культуры в основном связано с ее мемориальной модальностью, а индивидуализирующее начало — с прогностической. Т.е. можно заключить, что коллективное = традиционному, а индивидуальное = новационному. Если не абсолютизировать эту зависимость, а понимать ее только как наиболее вероятную (статистически преобладающую, частотную), то, возможно в этом наблюдении кроется определенная эвристичность. Во всяком случае, с позиций такой зависимости можно по-новому взглянуть на совпадение двух исторических тенденций развития общества. Это, с одной стороны, тенденция снижения социальной значимости масштабных коллективных работ, в которых одновременно задействованы десятки тысяч людей, и повышение социальной значимости индивидуально-творческого труда. А, с другой, — это тенденция постепенного поворота общей направленности культурных интересов от прошлого, традиции, воспоминания (все великое уже было), на будущее, новацию, проектирование (все великое еще впереди). Выявленная здесь зависимость хорошо объясняет взаимообусловленность этих тенденций. Коллектив вспоминает великое прошлое, а индивид мечтает о великом будущем. По ходу истории культура превращается из воспоминания в проект.

Одновременно метод культурной атрибуции дает весьма наглядное представление об универсальности культуры и высокой контекстуальной зависимости ее явлений. Имеется в виду, что при смене контекста (изменения суммы внешних обстоятельств) одни и те же культурные феномены могут выполнять совершенно различные социальные функции (т.е. являются многофункциональными). Более того. Я позволю себе высказать предположение о том, что уровень такого рода функциональной универсальности и контекстуальной зависимости может быть истолкован и как «уровень культурности» или как «уровень культурного совершенства» рассматриваемых феноменов. Низкий уровень социальной универсальности и контекстуальной зависимости какого-либо феномена свидетельствует о его примитивном, не

развитом характере, о его слабой культурной функциональности и, в конечном счете, о его «культурной поверхностности». Культурно совершенный феномен обладает высокой универсальностью и может быть эффективно использован в разных контекстуальных ситуациях, хотя, разумеется, совершенно по-разному.

Таким образом, культурную атрибуцию нельзя приравнивать к художественной атрибуции, создающей комплексное знание о более или менее объективных параметрах объекта — устанавливающих его название, авторство, дату создания и т.п. Культурная же атрибуция является лишь техническим методом получения разного рода неявной информации об объекте, преимущественно в аспекте его функциональных возможностей. Эта информация часто бывает необычайно важной, формирующей очень значимое знание о культуре (культуре выделенной эпохи) в целом, но при этом на ее базе не создается объективной комплексной характеристики того или иного объекта. По большому счету, сами изучаемые объекты не очень интересуют исследователя. Они лишь источники (текстовые носители) нужной информации об изучаемом предмете (свойстве, черте, функции). Все характеристики объектов, получаемые методом культурной атрибуции, по-настоящему актуальны лишь в проблемном поле того исследования, в рамках которого они выявлены, и их с осторожностью следует применять в границах других проблемных полей.

Т.е. речь идет о теоретико-культурологическом исследовании, изучающем те или иные *качества культуры* и их выраженности в разном историческом или современном материале. Происходит атрибутирование не самих объектов в тех или иных их свойствах и характеристиках, а фундаментальных свойств культуры, изучаемых на материале выделенных объектов, их основных параметров и вариантов их представленности в разных объектах.

Новые барьеры и границы на этнокультурном пространстве современной России

*А. П. Садохин, Ю. П. Шабает**

Поиски национальной идеи и достижения гражданского согласия в современной истории России неразрывно связаны с осознанием идеи российской нации, с идеей «российскости». Однако, для понимания характера идей «российскости» и российской нации следует, на наш взгляд, не только совершенствовать теорию нации и национализма, но и обратить внимание на публичный дискурс по данным вопросам. Поскольку именно в публичной сфере и рождается образ нации, который воспринимается и принимается рядовыми гражданами. Этот образ чаще эмоционально окрашен («а мы вот такие»), нежели научно обоснован, но именно через такие образы рядовой обыватель и постигает социально значимые понятия: что есть гражданин, гражданская солидарность, чувство национальной гордости, патриотизм и т.п.

30 января 2011 г. в очередной программе Виталия Третьякова на телеканале Культура обсуждался вопрос, что есть российская нация (Что делать? «Российская нация: была, есть и будет?»). И в который уже раз одним из участников дискуссии было высказано мнение, что российской нации не существует. После столкновений на Манежной площади в Москве журнал «Русский репортер» опубликовал большой материал об этих событиях, а на титуле поместил фотографию задержания участника столкновений, на которой анонсировал подборку материалов вопросом «Есть ли в России нация?»⁵.

Приведенные примеры показывают, что вопрос о российской нации продолжает быть предметом споров интеллектуалов, но одновременно сами теоретические дебаты ориентируются на широкую общественность и приобретают политическое значение, при этом дискуссия о нации и национализме начинает активно перемещаться из научной сферы в медийное пространство. Общество через СМИ требует от ученых и политических менеджеров доказательств успехов нациестроительства, а также ответа на вопрос: насколько эффективна современная государственная национальная политика.

Эффективная национальная политика (этнополитика) и нациестроительство также тесно взаимосвязаны и, на наш взгляд, и в этой взаимосвязи важны не столько политические заявления лидеров государства и официаль-

* Садохин Александр Петрович доктор, культурологии, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

⁵ От редакции: Есть ли нация в России? // Русский репортер. 2011. №1–2(179–180). С. 3.

ные программы, а прежде всего то, как на местах осуществляется этнополитика и как там понимают процессы нациестроительства, т.е. важен анализ этнополитических практик. В этой связи мы в данной статье считаем необходимым обратить внимание, что в последние двадцать лет под предлогом необходимости усиления внимания к развитию языка и культурных традиций различных народов РФ фактически был разрушен фундамент советского интернационализма и происходила последовательная сегментация российского общества, разделение его на этнические и этноконфессиональные сектора. Этничность превратилась в эффективный политический инструмент и важный социальный маркер. Не случайно происходит не только ослабление гражданской солидарности, но и прослеживается очевидный рост ксенофобских настроений, о чем свидетельствуют как данные многочисленных исследований, так и простое обращение к материалам сайта Московского бюро по правам человека⁶.

Первой задачей интеграционной политики является определение той политической цели, к которой стремится общество в целом и политическое руководство страны — в частности. Такая цель, безусловно, не может отвечать интересам только одной части населения, как это имеет место, к примеру, в Эстонии, где, фактически, вся политика интеграции сводится к расширению сфер применения эстонского языка и превращению этого языка в основное средство общения для всех этнических групп населения страны, т.е. цель определяется культурными интересами доминантного культурного сообщества. С другой стороны, не может она быть ориентирована исключительно на мигрантов, как в Германии, где интеграционный курс предназначен для натурализации мигрантов в качестве граждан ФРГ, а его цель состоит в передаче «информации о правопорядке, языке, культуре и истории Германии»⁷.

Вероятно, интеграционная политика в России должна быть двуединой: добиваться консолидации российского общества и укрепления гражданского согласия, с одной стороны, и стремиться к интеграции всех ее территориальных, этнических составляющих в единое политическое пространство, в единое сообщество — с другой.

Фактически названная нами цель уже официально провозглашена Президентом РФ Д. Медведевым на Госсовете, прошедшем в Уфе 11 февраля 2011 г.: «...Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих

⁶ <http://antirasizm.ru>

⁷ Пуэ Томас. Интеграционный курс // Партнер. 2008. №10(133). С. 33.

нашу страну»⁸. Таким образом, политической целью Государственной программы интеграции (и основной целью государственной национальной политики) должно стать формирование российской нации, укрепление российской идентичности и гражданской солидарности россиян.

В этой связи одной из первоочередных задач интеграционной политики является формирование культурного образа (скорее образов) российской нации, а точнее проблема визуализации этого образа, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного (а также и научного) творчества. Очевидно, что этот образ, скорее всего, будет синтетичен, складываться из некой мозаики смыслов, значений, исторических фактов и современных символов, но вся эта мозаика будет складываться в достаточно определенное понятие «мы-россияне».

Представляется также, что назрела необходимость широкого обсуждения новых образов и символов российской нации, необходимость их последовательного внедрения в сознание россиян. Здесь, крайне полезным было бы и проведение специальной научно–практической конференции «Образы и символы российской нации», и получение государственного заказа на конструирование таких образов и их тиражирование через социальную рекламу. Конечно, чувство *российскости* у граждан страны формируется и без социальной рекламы, как свидетельствуют вышеприведенные данные социологического исследования, ибо многовековые традиции совместного проживания различных этнических групп в одном государстве не могут не формировать некой общей гражданской идентичности. Но, во–первых, российскость формируется стихийно, во–вторых, параллельно идет процесс этнизации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов (свидетельством чему служит высокий и устойчивый уровень ксенофобии и интолерантности в российском обществе). Отсутствие последовательной работы в деле укрепления гражданской солидарности и гражданских идеалов будет и далее поддерживать ксенофобские настроения в российском обществе с одной стороны, и отторгать идеи гражданской нации — с другой. При этом этничность может трансформироваться в форму агрессивно-оборонительной и агрессивно-конфликтной солидарности, с помощью которой отдельные этнические группы консолидируются, но все более очевидно противостоят другим группам и всему обществу.

Примером может служить такое явление как «этнодансинг», суть которого в современной российской действительности заключается в том, что

⁸ Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия (стенограмма) / state.kremlin.ru/state_council/10312/11/02/2011/

молодые люди, представляющие народы Северного Кавказа, демонстративно танцуют лезгинку прямо на проезжей части улиц в городах или поздно вечером под окнами многоквартирных домов, или в метро. Тем самым они с помощью языка танца как бы заявляют: «Мы здесь, мы тоже члены этого социума». Но одновременно они демонстрируют свою отличительность, пытаются путем подобных акций взять некий «реванш» за нанесенные соплеменникам обиды (реальные или мнимые), продемонстрировать, что они готовы противостоять большинству. Этнодансинг становится видимым индикатором общественных настроений, имеющих место в среде той части представителей кавказских народов, которые мигрируют в города, где преобладают представители других этнических групп населения страны.

На наш взгляд, некоторые элементы «конструкции» программы интеграции очевидны уже сегодня, поскольку понятно, что формирование гражданской солидарности и российской идентичности возможно, если будут задействованы все средства воздействия: СМИ, культурные институты, управленческие структуры, социальные службы, и, прежде всего, школа и система высшего образования. В школах должны, к примеру, преподавать не историю, интерпретированную в этноцентричном духе (историю великороссов или историю вайнахов), а такую историю Отечества, которая дает картину исторических судеб всех основных народов страны и помогает вырабатывать у учащихся понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество. В учебную программу всех школ страны должны быть включены уроки толерантности, которые призваны способствовать улучшению межкультурного взаимодействия⁹. Причем важно учесть опасения тех, кто говорит, что невозможно *учить патриотизму* или, что нельзя, чтобы постижение культуры толерантности происходило как формальный учебный процесс, когда ученику выставляют оценки. При этом воспитание гражданина без школы невозможно и здесь вполне полезен опыт других стран, где есть уже отработанные методики воспитания повседневной толерантности и где самое серьезное внимание уделяется граждановедению¹⁰.

Это особенно важно, поскольку в российских школах сегодня массовым «поветрием» стала этнопедагогика, которая многими учителями трактуется весьма однобоко. Детям рассказывают о том, как хороши традиции того или иного народа, об «уникальности» этнической культуры предков и тем самым невольно воспитывают в них этноцентризм, поскольку про традиции

⁹ Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Книга 1. Межкультурный диалог в школе. Книга 2. Программа тренинга. М., 2004.

¹⁰ Филиппова Е. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. С. 91–102.

других народов забывают, хотя другие народы нередко имеют сходные культурные традиции или, во всяком случае, их культура не менее интересна. Сама по себе абсолютизация уникальности этнической культуры есть прямой путь к культурному расизму¹¹.

Серьезное внимание в формировании гражданской интеграции следует уделить высшей школе, ибо массовое сознание студенчества не внушает особого оптимизма. Видимо, стоит подумать о том, чтобы курс этнополитологии был введен в высших учебных заведениях либо как самостоятельный предмет, либо как часть учебной программы по политологии.

Не менее сложной задачей является и изменение роли СМИ в процессе нациестроительства. В первую очередь необходимо, чтобы сами журналисты отказались от языка вражды, который стал характерен для многих российских периодических изданий¹². И такое понимание в журналистской среде есть, хотя порой стремление привлечь читателя доминирует над этическими соображениями. Есть и другая опасность — опасность этнизации прессы. В России уже действует Гильдия межэтнической журналистики, и ее председатель Маргарита Лянге считает, что «сама тематика этнической журналистики очень позитивна, потому что имеет дело с вековыми традициями народов»¹³. Ориентируясь на такую позицию, как уже сказано выше, создана ассоциация финно-угорской журналистики, регулярно проводятся семинары «финно-угорских журналистов». Но, вместе с тем, сам опыт «финно-угорской журналистики» показывает, что «пресса является одним из основных инструментов производства и трансляции толерантных либо конфликтных этнических образов»¹⁴ и этому способствует, на наш взгляд, сам статус этнической прессы, ибо логика этнизации ориентирует журналиста именно на освещение жизни лишь собственной этнической группы, заставляет конструировать и пропагандировать не просто позитивный образ группы, но и ее отличие от других. Здесь неизбежно возникает потребность в акцентировании культурных дистанций, культурных границ и противопоставлении своей группы другим. «Примером попытки создания в сознании читателя позитивного образа собственной этнической группы на основе отрицания позитивного опыта взаимодействия с другим этносом могут служить этнопроблемные публикации

¹¹ Шнирельман В. Расизм в современной России: теория и практика // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М., 2004.

¹² Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004.

¹³ Лянге М. «Этническая журналистика позитивна» // Финноугория. Этнический комфорт. 2010. №1 (9). С. 9.

¹⁴ Богатова О. «Конструирование этничности» и этническая пресса (на примере Республики Мордовия) / Веб-эксклюзив. «Татарская газета» // www.tatar.yuldash.com/210.html

«Эрзянь Мастор». Содержание этих публикаций не отличается политической корректностью и имеет ярко выраженный конфликтный характер, так как «конструирование» эрзянской этничности осуществляется путем противопоставления ее «историческому врагу» — «Империи», т. е. российской цивилизации, и российскому государству, якобы проводившему по отношению к покоренным народам политику «внутреннего колониализма», нещадно эксплуатируя их людские и материальные ресурсы»¹⁵.

Представляется, что порочен сам термин «этническая журналистика», ибо публичность СМИ подразумевает ее ориентацию на гражданские идеалы, на общественные интересы, т. е. как на проблематику, которая имеет сугубо общественное значение, пусть она и связана с интересами отдельной личности. Клановость, местечковость, этничность подрывают миссию прессы как проводника общественных интересов. И уж если у нас проводятся семинары для «этнических журналистов», то на них необходимо отстаивать идею того, что этническая проблематика ни в коем случае не должна заслонять собой общественные интересы и общественную солидарность, а журналисты, пишущие на темы, связанные с межэтническими отношениями, должны строго руководствоваться кодексом журналистской этики, в котором акцент на уважительное отношение к представителям любой этнической группы должен дополняться требованием к выполнению гражданского долга журналиста.

Помимо действенного кодекса журналистской этики необходимо и действенное реагирование со стороны судебных органов на каждый случай публикации материалов, разжигающих вражду между этническими и конфессиональными группами. Необходимо также, чтобы «лицо» общероссийских телеканалов (прежде всего дикторы) отражало этническое многообразие России, а сама информационная политика была ориентирована на пропаганду «российскости». При этом надо прямо говорить и о проявлениях ксенофобии со стороны доминантных групп, и об этническом эгоизме меньшинств, когда подобные случаи имеют место.

В той же Кондопоге имело место и то, и другое¹⁶, хотя никто не стал глубоко анализировать почему кондопожане не хотят воспринимать чеченцев как сограждан и почему чеченцы воспринимали местное сообщество только как объект эксплуатации и получения дохода, но не как своих земляков? Ответы на эти насущные вопросы до сих пор не даны, хотя виновных за про-

¹⁵ Богатова О. «Конструирование этничности» и этническая пресса (на примере Республики Мордовия) / Веб-эксклюзив. «Татарская газета» // www.tatar.yuldash.com/210.html

¹⁶ Соколов-Митрич Дм. Уроки Кондопоги. Ответ власти // Известия. 2006. 27 ноября.

изошедшее республиканские власти назначили¹⁷. Неспособностью СМИ дать глубокий анализ произошедших в Кондопоге событий воспользовались ньюсмейкеры из ДПНИ, которые смогли превратить их в мощный политический ресурс. Чего стоит только одно «Письмо женщин г. Кондопоги» не только вывешенное в рунете, но и распространявшееся в виде листовок национал-радикалами в разных регионах страны?

Самой насущной задачей на сегодня является повышение ответственности при освещении этнических конфликтов, что, ни в коем случае не должно означать понуждения к замалчиванию сложных и неприятных тем. Молчать как раз нельзя, хотя во многих региональных изданиях чуть ли не редакционной политикой стало стремление уходить от обсуждения темы межэтнических и межконфессиональных отношений.

Актуальной задачей является и использование социальной рекламы для пропаганды идей толерантности и гражданской солидарности, для формирования в массовом сознании образа России как поликультурной страны, но такой страны, где идея гражданства превышает всяких местечковых интересов. Сегодня такой рекламы нет вообще, хотя она является важным элементом культурной политики, к примеру, таких стран, как ФРГ¹⁸.

Конечно, важная и значимая роль в создании нового образа страны и нового образа российского гражданина должна принадлежать институтам культуры. Здесь, как уже отмечено выше, и создание новых визуальных образов, новых символов, но главное — переложение на язык художественных образов идеи российскости и создание российской эстетики, «бренда» Страна Россия. Очевидно, что в рамках масштабного интеграционного проекта для деятелей культуры открывается огромное поле для художественного творчества.

Необходимо будет, очевидно, перестраивать работу многих социальных служб, органов правопорядка, которые и поныне широко практикуют селективный контроль за гражданами, ориентируясь на фенотипические данные. Такая практика должна быть искоренена. Кроме того, как показал недавний опыт, особенно важно добиться от правоохранительных и судебных органов, чтобы любые случаи, когда на них оказывают давление руководители «национальных республик», авторитеты этнических криминальных группировок, этнические предприниматели или лидеры этнических землячеств не только сурово пресекались, но и становились предметом служебных разбира-

¹⁷ Владимирская Н. Порка по вертикали // Эксперт Северо-Запад. 2006. 27 ноября — 3 декабря.

¹⁸ Бурлина Е. Кофе, пицца, Бог — а ты?! Технологии повседневной толерантности: философия и практика культуры // www.antirasizm.ru/publ_046.php

тельств с обязательными последствиями для тех, кто не может им противостоять. Должностные лица национальных республик, допускающие давление на правоохранительные или судебные органы с целью поддержать своих соплеменников в ходе судебных разбирательств, где их интересы сталкиваются с интересами представителей других этнических групп, должны немедленно лишаться своих должностей, ибо такого рода действия есть фактически намеренное провоцирование межэтнического противостояния и межэтнической конфликтности. Недопустимо также, когда кадровая политика местных властей ориентирована на клановость и этническую избирательность, о чем, в частности, говорилось и на заседании Госсовета в Уфе.

Особое значение для процесса консолидации российского общества имеет сбалансированная региональная политика, которая опираясь на стимулы и специальные программы развития должна способствовать интеграции всех регионов страны в единое социально-экономическое и культурное пространство. Пока здесь наблюдается очевидный дисбаланс: одни регионы оказываются в зоне приоритетного внимания федерального центра в силу этнического состава их населения и очевидных социально-экономических проблем; другие, наоборот, в силу тех же самых причин оказываются вне зоны внимания политического руководства страны. Примером может служить ситуация на Северном Кавказе и на Русском Севере. Для первого региона разрабатывается специальная программа развития, и выделяются значительные средства, а для второго ни аналогичной программы, ни дополнительных финансовых вливаний в его развитие не предусматривается. Между тем, проблема деградации северных территорий все активнее обсуждается специалистами, а анализ современных социальных и культурных процессов доказывает, что региону требуется особое внимание¹⁹. При этом стоит заметить, что Русский Север есть не просто историческая провинция России — он воспринимается как культурный символ. В этом отношении наиболее показательным замечанием, которое было сделано такой авторитетной личностью, как академик Д. Лихачев: «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру...»²⁰

Очевидно, что избирательная политика в отношении крупных регионов страны, не является удачным образцом региональной политики и, более того,

¹⁹ Шабаев Ю.П. Народы европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2.

²⁰ Лихачев Д.С. Предисловие // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 3.

подобная избирательность создает условия для роста межэтнической напряженности, поскольку фактически означает перераспределение общенационального богатства в пользу отдельных этнических групп. Такой несбалансированностью политики уже пытаются пользоваться русские националисты, организуя (пытаясь организовывать) акции под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!».

Конечно, не менее значим для успеха нациестроительства является общий экономический подъем страны, формирование современной открытой экономики, благоприятных условий для предпринимательства и творчества, преодоление бедности и коррупции, т. е. процессы нациестроительства органически вписываются в задачи экономической, политической и социальной модернизации страны.

В заключении отметим, что настало время принятия конкретных решений в сфере этнонациональной политики, что уже невозможно заменять эту политику «кулинарным интернационализмом» и декоративными фестиваль-но-ярмарочными мероприятиями, как это делалось во многих регионах в предыдущие годы. Этнонациональная политика — это не праздники национальной кухни и не фольклорные фестивали, на которые потрачены уже огромные средства и которые никак не меняют общественные настроения. Главной целью этнонациональной политики в РФ должно стать формирование российской нации, укрепление российской идентичности и гражданской солидарности в стране. Реализация этой цели сложна, поскольку здесь не только необходимо решить серьезные организационные вопросы, но и преодолеть серьезный идеологический конфликт, который, как свидетельствуют приведенные выше материалы, достаточно очевиден. Это *конфликт между идеей российской нации и этническим национализмом*, т.е. конфликт между гражданским и этническим национализмом. Решить этот конфликт можно путем усиления значимости гражданских идеалов в российском обществе и последовательных усилий по его консолидации, для чего целесообразно начать реализацию Государственной программы интеграции.

Региональная этнополитика должна быть тесно интегрирована с федеральной. Часть ответственности за гражданскую консолидацию должны взять на себя политические партии, общественные институты, которые также необходимо активно привлекать к реальной этнополитике, т. е. формирование нового облика российского общества есть не политический лозунг момента, проект отдельной политической партии или каких-то элитных группировок, — это должен быть общенациональный проект.

Диалоговые стратегии информационного общества и проблема культурологизации образовательного пространства

*О. А. Жукова**

Социальная жизнь невозможна без представлений о должном, нравственно допустимом и идеальном, определяющем собой общественные и межличностные отношения. Существование любой культурной общности проявляет себя в высоких и повседневных практиках, выражая через семейные традиции, привычки, образцы поведения, ритуальные и религиозно-обрядовые действия исповедуемые идеалы и ценности. Они обеспечивают устойчивое существование национальной (этнической) общности, воспринимаются носителями культуры как необходимые по отношению к человеку и его группе, определяют его культурную идентичность и выполняют важнейшую функцию социализации. Процесс формирования личности, а в этом и заключается важнейшая функция культуры и образования — человеко-творческая, социализирующая — состоит во вхождении человека в меру духовной зрелости и социальной ответственности, задаваемой культурой. Если культура — это ценностно-смысловое измерение образования, то образование — это способ возвести человека к идеальному образу и опыту культуры. Смыслы культуры как пайдеи — т.е. образования в значении возделывания, воспитания и религиозного почитания, были открыты уже античной цивилизацией. В современной ситуации появляются дополнительные аргументы, осложняющие процесс социализации и культурной самоидентификации человека и общества, поскольку привычные границы национальных и этнических культур размыкаются в общем процессе глобализации. Таким образом, едва ли не главной темой сегодня оказывается тема диалога культур и цивилизаций. В последнее время она стала центральной не только для гуманитарной науки, но и сформировалась как самостоятельное направление международной политики.

Проблема культурного диалога знаменовала собой новый уровень взаимоотношений стран, основанный на понимании политическими и экономическими элитами современных условий существования мирового сообщества. В условиях глобализирующегося мира резко возрастает частотность и глубина межкультурных и межличностных коммуникаций, связанных в первую очередь с открытым рынком труда, обменом интеллектуальными ресурсами и технологиями, свободой передвижения товаров и капитала, широкими культурными отношениями. В связи с этим возникает потребность осмыс-

* Жукова Ольга Анатольевна, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор Московского педагогического государственного университета.

лить новый формат постиндустриальной цивилизации и оценить масштаб трансформаций социальных коммуникаций, предложив оптимальную формулу подобных взаимодействий. Эта проблема многоаспектна. Особый интерес представляет проблематика диалога культур и цивилизаций, включающая в себя международно-правовой и философско-культурологический аспекты. Отметим, что основополагающие цели сформулированы в документах ООН и ЮНЕСКО, которые представляют собой различные резолюции данных организаций, резюме и декларации международных форумов. Тема диалога впервые была обозначена как стратегическая цель ЮНЕСКО в рамках среднесрочной программы 2002–2007 гг. Она поддерживает основные ценности ООН и ЮНЕСКО — такие принципы, как сотрудничество в целях мира в области образования, науки, культуры. Главным тезисом настоящей программы является следующая формула — мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Глобальный проект современности охватил всех субъектов исторического развития. На рубеже третьего тысячелетия возникли предпосылки построения «общего дома», жизненными принципами которого выступают идеи устойчивого развития стран, народов, культур, что, как следствие, предполагает создание условий для социальной и творческой самореализации человека. Накануне миллениума, в 1998 г., начало нового тысячелетия — 2001 год — был провозглашен годом диалога между цивилизациями. Его целью объявлен диалог, сохраняющий единство цивилизационного и культурного многообразия. 1999 год отмечен уже созданием Международного центра по диалогу между цивилизациями, его директором избран представитель Ирана, М.Дж. Фаризаде. Цель центра формулируется как пропаганда «диалога между цивилизациями на международном уровне в качестве прогрессивной интерпретации Устава Организации Объединенных Наций в пути, ведущему к улучшению жизни человека». Диалог здесь трактуется как способ продвижения вперед, упрочения духовной, религиозной культуры, в соединении со стратегической целью развития глобального гражданского общества. Не случайно пропаганда диалога, развитие диалоговой культуры стало идейно-тематическим содержанием 2000 года, получившего название года Культуры мира.

Стратегические цели реализуются ООН и ЮНЕСКО в научных и социально-культурных проектах. Так в 1999 г. состоялась Международная конференция «Мир на Северном Кавказе через диалог культур». В этом же году была принята Афинская декларация «Наследие древних цивилизаций: последствия для современного мира», в тот же период — Тегеранская декларация Исламского симпозиума. На рубеже тысячелетий были проведены во многом символические мероприятия в штаб-квартире ООН, в Париже,

Зальцбурге, Вене, Германии, Ташкенте, Санкт-Петербурге, странах СНГ. После трагедии 11 сентября 2001 г. тогдашний руководитель ООН К. Ананн, подчеркивая принцип единства многообразия, заявил: «мы представляем множественность культур, и наши убеждения отражают эту множественность».

Оценивая общий тренд процессов, происходящих на уровне международных отношений, следует обратить внимание на формирование новой этической парадигмы. Ее справедливо модно было бы назвать *этикой культурного взаимодействия*, призванной обеспечить эффективность и непротиворечивость множественных социальных, политических и межкультурных взаимодействий. Основные принципы современной этики международных отношений изложены во Всемирной декларации о культурном разнообразии, принятой в ноябре 2001 г. Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на 21 сессии. Коитиро Мацуура определил их следующим образом: диалог как гарантия мира — категорическое «нет» теории неизбежности конфликтов. В этом контексте диалог начинает выступать в качестве генерального способа передачи социального опыта, повышающего эффективность межкультурных и межличностных коммуникаций.

Разработка положений этики культурного взаимодействия была продолжена резолюцией «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», а также «Права человека и культурное разнообразие» в 2001 г. В конце 2002 г. появился документ под названием «Культура и развитие», а 21 мая стал теперь «всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития». Таким образом, можно заключить, что *разнообразие, диалог и развитие в современном мировом сообществе понимаются в качестве механизма оптимизации культурных ресурсов человечества и одновременно как главный принцип политических отношений*, представляя собой формулу устойчивого развития и эффективного взаимодействия политических и иных субъектов между собой.

Аналогичным целям соответствует и институт образования на уровне содержания, технологий, выстраивающихся коммуникативных стратегий, инфраструктуры и модели управления. Это следует из анализа целей современного образования, изложенных Международной Комиссией по образованию, которые характеризуют на ценностно-смысловом уровне образовательную практику, как таковую. Образование как социокультурный институт должен давать человеку:

- понимание основополагающего единства человечества;
- демонстрировать окружающим богатства разнообразных культур;

— способствовать обретению базового междисциплинарного знания о мировых проблемах и проблемах интернационального сотрудничества и путях его разрешения.

Идеи повышения эффективности межкультурных коммуникаций на основе этики культурного взаимодействия нашли активное развитие и в России. Ярким примером является Международный Форум «Диалог цивилизаций». В 2003 г. состоялся первый форум, участие в котором приняли 34 страны, в 2004 г. — уже 41 страна. За последнее время форум «Диалог цивилизаций» превратился в крупнейшую площадку народной дипломатии, на практике развивая принципы нового культурного самосознания.

В феврале 2005 г., на 171 сессии ЮНЕСКО, Генеральный директор Коитиро Мацуура в докладе о долгосрочной стратегии ЮНЕСКО определил важнейшее мероприятие, которое, по его мнению, должно составить интеллектуальное задание для различных групп политического и культурного влияния в мире. По словам руководителя ЮНЕСКО это «философский анализ и диалог по центральным темам, относящимся к таким приоритетам, как: диалог между цивилизациями, образование для всех, биоэтика, общество знания, культурное разнообразие, этика окружающей среды, борьба с нищетой, устойчивое развитие и т.д.». Как представляется, в подобном контексте значимым условием устойчивого развития и взаимодействия политических и социально-творческих акторов современности является стратегия диалога. Диалог выступает как:

- способ общения и создания условий взаимопонимания, социальной адаптации и аккультурации человека, этнических и культурных сообществ;
- средство сохранения культурной идентичности;
- способ передачи социально-культурного опыта;
- модель интеграции различных подходов к сохранению культурного наследия.

На наш взгляд, диалоговая стратегия увеличивает продуктивность социальных и межкультурных коммуникаций, что особенно актуально в современном контексте социально-экономических, политических и культурных взаимоотношений России и Евросоюза («Большой Европы»). Своеобразная миссия культуры диалога заключается в достижении определенных социокультурных и международно-политических эффектов. Так, мы предполагаем, что инновационный потенциал диалоговой стратегии в сфере межкультурной коммуникации сможет проявить себя на различных уровнях. В нашем видении он будет связан:

- с формированием единого культурно-образовательного пространства Европы и России через развитие межличностных и межкультурных форм диалога;

— с утверждением базовых европейских ценностей познания, творческого совершенствования личности, духовной, интеллектуальной и политической свободы;

— с созданием атмосферы понимания и взаимной симпатии между участниками межкультурного и политического диалога;

— с воплощением идеи тезауруса культуры о единстве культурного мира и сохранения его духовно-интеллектуального и художественного наследия, высказанной академиком Д.С. Лихачевым;

— с реализацией концепции, сформулированной Жаком Делором в докладе «Образование: сокровище сокрытое» на заседании международной комиссии по образованию для XXI века («научить познавать, действовать, жить, жить вместе»);

— с задачами удержания культурной идентичности Западной Европы и России в рамках исторического наследия Средиземноморской цивилизации в условиях открытого мира.

Предлагаемая концепция представляет собой культурно-политический вариант решения проблемы *эффективности социальных взаимодействий*. Роль межкультурной коммуникации в информационном сообществе неизмеримо возрастает. Выстраивать инфраструктуру диалога культур и цивилизаций необходимо как на межличностном уровне, чему в немалой степени сегодня способствует сетевая структура организации информационной «глобальной деревни», так и на межгосударственном уровне — средствами культурной дипломатии. С периферии дипломатических интересов и процедур культурный диалог должен переместиться в центр и стать основой политической стратегии стран-участниц открытого мира — глобальной современности. Другими словами, проблема межкультурного взаимодействия должна выстраиваться как заинтересованный диалог, выступая гуманитарной стратегией межгосударственных отношений. С этой точки зрения имидж страны во многом будет зависеть от проводимой ею культурной политики, но не только внешней, но и внутренней. Диалоговая стратегия международной дипломатии должна, в первую очередь, отражать культуру диалога внутри самой нации.

И здесь мы приходим к важнейшей проблеме социально-исторического творчества в современном мире. Она встает перед культурами, имевшими длительную историю создания и «самозаписи» культурного предания, своего рода, исторической мифологии, послужившей основой формирования национального самосознания. В хайдеггеровском варианте этот вопрос звучит как вопрос о судьбе Европы²¹. Ситуация выглядит следующим образом:

²¹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 119.

культуры современного типа, входя в стадию постмодерна, становятся участниками современного технологического проекта современности, ориентированного на *инновацию и инструментальное мышление*, которое не озабочено проблемой метафизических оснований бытия. При этом инновационной доминантой современности становятся несколько социальных систем, выполняющих важнейшую функцию культуры — трансляции социального опыта в форме знаний, практик и технологий, но уже в формате информационной цивилизации.

Следует подчеркнуть, что коммуникация является мощнейшей движущей силой содержательных и институциональных изменений современного общества. Она трансформирует не только традиционные институты, но и *дискурсы*, в том числе и значимые в передаче социального опыта — *власть и знание*. Информационная оснащённость общества позиционируется в качестве основы его развития в рамках интеллектуально усложняющейся экономики знаний. Социокультурный эффект коммуникативных технологий приводит к формированию открытого общества, культура которого также становится открытой к различным встречам и взаимодействиям. Например, в России эта тенденция нашла отражение в программном документе «Стратегия развития информационного общества», предусматривающем комплексное развитие государства, общества и бизнеса в условиях информационной культуры. Стратегия касается не только вопросов развития инфраструктуры, технологий и экономики информационного общества, но и их координации с приоритетными направлениями в социальной и духовной сфере — образовании, науке, культуре, массовых коммуникациях, духовно-нравственном воспитании. В целом эту программу можно назвать *идеологией преимуществ и развития, или повышения эффективности*. Информационно-коммуникативные технологии рассматриваются как:

- экономически эффективные, дающие конкурентное преимущество в производительности труда и развитии новых секторов производства;
- политически целесообразные, повышающие качество государственного управления, укрепляющие демократические институты и процедуры;
- в культурном плане безальтернативные, поскольку актуальная современность стремится к диалогу, а межкультурная и межличностная коммуникации осуществляются в условиях свободного обмена идеями и информацией.

Таким образом, коммуникативные технологии в рамках формирования информационной культуры можно считать важнейшим инструментом технологического и ценностно-смыслового *переоснащения* обществ, движущихся в сторону актуальной современности, в глобальный мир открытого типа. Соответственно, в указанных социальных системах — образовании, науке, куль-

туре на содержательном уровне происходят значительные изменения. *Образование*, прежде озабоченное научить ученика должному примеру и образцу, данному в качестве культурного идеала, ныне направлено на приобретение знаний и овладения компетенциями, необходимыми для осуществления целерациональной стратегии в рамках достигнутой культуры. *Наука*, некогда представлявшая собой практико-ориентированную рационализацию метафизических (магических, религиозных, натурфилософских) идей, сегодня превращает фундаментальные открытия в технологии, способные радикально изменить мир не только неживой, но и живой природы без учета онтологических (метафизических, антропологических) рисков. *Культура* как сфера опосредствования духовно-практической деятельности прежде представляла социальный конструкт трансцендентного, а ныне она становится интеллектуальной лабораторией для новых форм социального. Потому справедливо утверждать, что именно образование, наука и культура на современном этапе развития общества способны взять на себя роль медиатора и коммуникатора в диалоге цивилизаций, общностей, социальных институтов и духовных традиций. Собственно, данное понимание и начинает демонстрировать мировое сообщество, декларируя цели политического диалога и межкультурной коммуникации как основы для создания устойчивой и эффективной модели развития обществ, участвующих в постсовременности.

Однако можем ли мы всерьез говорить о духовно-опытной форме получения знания в условиях современной цивилизации с ее плюралистичностью культур и информационном формате глобальных коммуникаций, когда знание превращается в продаваемую информацию, а процесс общения учителя и ученика в различные «педагогические технологии»? На наш взгляд, острая необходимость культурологизации образовательного пространства продиктована обстоятельством, которое справедливо назвать дефицитом креативных ресурсов. Талант, знание, интеллект, артикулированные памятью культуры, являются главной движущей силой в созидании новой социальности глобального мира. При том, что современная технологичная цивилизация, вроде бы, возникает как продукт разума, сегодня можно отметить не только дефицит духовно-нравственной компоненты образования, но и острый дефицит рациональности. Если рациональность — это особая структура опосредствования, выстраиваемая разумом и определяющая логические связи между явлениями, то духовно-творческий опыт зиждется на интуиции трансцендентного Иного, восходящей к религиозной традиции. Традиционная религиозная культура может понимать себя не только через священный или теологический текст, но и через художественный образ, символ и знак, имеющий привязку к сфере сакрального. В процессе секуляризации культуры искусство, как правило, становится лабораторией культурного и социального

творчества, а священные тексты и предания — предметом историософской и культурфилософской рефлексии.

Как представляется, основной проблемой современного образования (если понимать под системой образования важнейший механизм передачи и производства смысла) является проблема актуализации смыслов культуры *в присутствии иерархии ценностей*, включающей и сакрализацию базовых ценностей жизни. Сложившиеся интеллектуально-творческие и духовные практики мировой культуры, исторически выраженные в опыте национальных культур, могут и должны быть актуализированы в рамках глобального универсализма современной цивилизации. Вероятно, они не совпадают с современностью по темпоритму, по образу бытия, но их человекотворческий потенциал огромен и позволяет освоить новый тип социальности, не теряя собственно личности как самостоятельной величины, соотнесенной и со временем культуры, и со временем вечности. Собственно, в этом и заключается современное культурологическое мышление, которое центрирует образовательное пространство вокруг реальности личности, культуры и социума. Здесь и возникает культурологическая проблема преемственности как способа наследования традиции, где сама культура оказывается продуктом творчества, выступая своего рода идеалообразующей стороной жизни людей. В любом случае исторический результат развития современного общества не предрешен, а значит и не исключены возможности развития культурологической стратегии в качестве одной из стержневых основ гуманитарного образования и духовно-интеллектуального самопознания культуры, общества и личности. Поэтому и в современной культуре с ее доминантой рефлексизирующего индивидуального сознания духовно-опытный путь познания может быть воспроизведен и на уровне системы образования, и на уровне персональной творческой стратегии жизни, но при одном условии — *если личность не перестанет быть главным предметом философии образования и центром педагогического процесса. В этом случае межкультурные коммуникации и диалоговые стратегии информационного общества создадут мощные предпосылки для синтезирования духовных традиций культур на основе новой философии рациональности постсовременной цивилизации.*

Роль межкультурного диалога в цивилизационном развитии

*А. А. Мелитонян**

Несколько последних десятилетий охарактеризовались важнейшими изменениями общецивилизационной ситуации. Формируется единый подход к вопросам эволюции человечества на основе осуществления демократических политико-экономических преобразований, выработки и применения принципов устойчивого щадящего развития в интересах будущих поколений, реализации прав и свобод человека, в том числе в вопросах сохранения культурной идентичности.

В условиях глобализации вопросы сохранения и развития национальных культур самым непосредственным образом связаны с возможностями осуществления и расширения межкультурного диалога на фоне принципиально нового уровня информационно-коммуникационных связей. Всё большее влияние на сферу культуры оказывают межобщественные и межличностные контакты. Работая, путешествуя, встречаясь друг с другом, общаясь в интернете, мы сталкиваемся с необходимостью выработки правил общемирового общежития, новой этики, которые должны способствовать, без преувеличения, не только развитию, но и выживанию человечества.

Сегодня, благодаря техническому прогрессу, население самых отдалённых уголков планеты имеет возможность приобщиться и к высшим общепризнанным культурным достижениям человечества, и достаточно широко познакомиться с различными локальными этническими культурами. Одновременно, стремительное развитие глобальных информационных и коммуникационных сетей положило начало набирающему скорость процессу формирования общемировой культуры, вбирающей в себя все особенности отдельных культур и основанному на принципе, известном как принцип «кросс-культурных коммуникаций».

Процесс глобализации приводит к возникновению общемировых стандартов, норм и стереотипов поведения, в том числе в рамках социокультурных взаимодействий. Прежде всего это имеет отношение к массовой культуре, к «популяризации» сформировавшихся в результате определённых действий «эталонов» и «моделей» материального и культурного потребления, основанных на уровне, характере и продуктах такого потребления у населения наиболее экономически развитых стран. Подобная «универсализация» массового сознания, «добровольно-принудительное» восприятие определенных культурных традиций приняли в отдельных случаях характер, представляю-

* Мелитонян Арсен Аркадьевич, профессор Московского гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

щий опасность для сохранения, и что ещё более важно, развития самобытных этнических и национальных культур в условиях перенасыщенности неструктурированных информационных потоков. В особенности это относится к тем регионам, где процесс, который возможно обозначить как «социально-культурно-психологическую трансформацию», а, при некоторых условиях — «культурную экспансию», происходит на фоне серьезных внутренних противоречий. В подобных случаях у представителей одних культур может резко упасть интерес к национальным традициям и обычаям, как к некому аспекту жизни, ассоциирующемуся с прошлым, которое не могло «обеспечить» «общемировых стандартов» жизни или где другому типу культуры места не находилось. Такое отношение чаще всего приводит к низкосортному подражанию «образцам» в ущерб развитию собственной национальной культуры. У других сообществ сознательно или подсознательно может возникнуть потребность уберечься от излишней информации и чуждых историческим и духовным традициям нововведений, что приводит к нарастанию протестных настроений и, порой, полному неприятию иной культуры, вплоть до радикальных проявлений такого неприятия.

Необходимо сделать все, чтобы национальные сообщества могли избежать этих двух крайностей. Национальные культуры всегда должны становиться основой для конструктивного диалога народов. Будучи востребованными в обществе, они, во-первых, создают необходимую основу для дальнейшего развития национального самосознания, во-вторых, формируют сдерживающие, смягчающие процессы глобализации условия существования, в-третьих, сами начинают духовно обогащаться за счет знакомства с иными культурными традициями.

Задачами межкультурного диалога являются:

- обеспечение внимательного отношения к любым проявлениям этнических и национальных культур, утверждение толерантности как общемировой духовной альтернативы все еще имеющим место в мире идеям и теориям индивидуальной исключительности;
- сохранение и максимально широкое распространение лучших образцов мировой культуры прошлого и современности в рамках процесса формирования высокой общемировой культуры;
- возрождение, сохранение и развитие национальных культур, раскрепощение национального сознания и реализация потребности сохранить индивидуальность в рамках процессов глобализации. Одновременно, это возможность для национальных сообществ обогатить собственное представление о культурном многообразии мира и получить дополнительный материал для творчества;

- интеграция и взаимная адаптация этнических и национальных культур, в том числе различных направлений современного национального искусства;
- содействие объективной оценке творческой продукции, ориентированной на массовое восприятие, в том числе в среде потребителей, не обладающих достаточным уровнем культурного иммунитета;

Говоря о взаимодействии культур в рамках диалога, необходимо понимать, прежде всего, то, что при всей возможной разнице в подходах, нет альтернативы развитию единого общецивилизационного процесса совместных действий в вопросах сохранения и развития духовности и культуры в мире, выработке процедур адаптации традиционных культур к внешнему воздействию и внутренней трансформации.

Представляется, что только межнациональное и межличностное партнерство, включая процессы взаимного регулирования политического, социально-экономического и культурного развития может привести к определению оптимального вектора дальнейшего развития человечества. Общая задача состоит в том, чтобы сформировать единое духовно-культурное и информационно-коммуникационное пространство, основанное, в том числе, на осознании роли национальных культур.

Межкультурный диалог, процесс развития межкультурных коммуникаций и кросс-культурное проектирование вместе должны превратиться в тот сдерживающий, регулирующий фактор, который, создавая необходимую духовную и социокультурную базу для общецивилизационных коммуникаций, придаст процессам глобализации более сбалансированный характер, не позволит этим процессам ни унифицировать культуру в целом, ни стереть с лица Земли даже самые малые этнические культуры, ни дать развиваться факторам противостояния.

Сохранение и развитие национальной самобытности составляющих мировую цивилизацию народов должно рассматриваться как неотъемлемый элемент комплексного устойчивого щадящего развития человечества, а межкультурный диалог должен стать единственным механизмом взаимодействия национальных культур в целях формирования единого сбалансированного культурного пространства планеты.

Образование как способ формирования личностной идентичности

*Г.В. Панина**

Образование выполняет в обществе множество функций, связанных с обучением молодого поколения, трансляцией социального опыта, получением нового знания, но главной в информационном обществе становится функция формирования личности, поскольку человек является основным ресурсом экономики и цивилизации знаний. Образование, и прежде всего гуманитаристика, знакомя человека с новыми тенденциями общественного развития, учит ориентироваться и действовать в ситуации неопределенности и непредсказуемости социальных процессов, профессиональных рисков и глобализационных вызовов. Социально-гуманитарное образование становится важнейшим фактором формирования профессиональной компетентности специалиста. В условиях инновационно развивающегося общества возрастают требования к уровню интеллектуального и нравственного развития работника, его готовности быстро и квалифицированно, что одновременно означает успешно и социально безопасно менять стратегии и траектории профессиональной деятельности, то есть адаптироваться к быстроменяющемуся и постоянно усложняющемуся миру. Профессиональная компетентность превращается в совокупность социально значимых интегративных качеств личности, позволяющих специалисту быстро и эффективно реагировать на меняющиеся условия социальной среды, формировать в себе качества, необходимые для выполнения той или иной профессиональной задачи, ориентируясь на общественную безопасность, экономическую эффективность и культурное развитие. Существенный вклад в их формирование вносит социогуманитарная составляющая высшего профессионального образования. Наряду с изучением глобальных общественных тенденций гуманитарные дисциплины уделяют большое внимание процессам становления и развития личности, ее трансформациям в постиндустриальном обществе, позволяют человеку понять самого себя, не растеряться перед лицом неопределенности и неоднозначности собственных мнений, интересов, решений, научиться понимать и контролировать эти процессы. Обсуждение в ходе изучения гуманитарных дисциплин современных концепций личностного развития способствует росту самосознания и личностной компетентности.

Значительный интерес представляет концепция личностной многозначности («эластичности») американского исследователя Р. Лифтона (Lifton, 1993). В условиях информационного общества, когда средства массовой

* Панина Галина Владимировна, доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Баумана, кандидат философских наук, доцент.

коммуникации мгновенно распространяют потоки разнообразной информации по всему миру, человек оказывается под массированным воздействием ценностей разных культур, различным идеологическим и политическим влиянием, что нарушает процесс однозначной идентификации, приводит к ощущению текучести, упругости своего «Я», переживанию неопределенности своей «самости». Лифтон для обозначения данного феномена предлагает термин «протеанизм», «протеевская» идентичность («protean self») по имени древнегреческого бога Протея, не способного сохранять свой облик и постоянно меняющего его в различных обстоятельствах. Идеологическое «разношерстное» воздействие на современного человека сопровождается текучестью социальных практик: разнообразием экономик, политических режимов, форм досуга и развлечений. В результате у человека множатся ценностные миры, размываются жизненные ориентации, что, по мнению Лифтона, сопровождается переживанием «бездомности», или «безотцовщины». Формирующееся в условиях глобализации чувство связанности со всем миром, понимание всеобщей взаимозависимости приводит к повышению фона тревожности, причем за процессы, на которые отдельный человек никак повлиять не может. Современный («протеевский») человек вынужден сочетать в себе разношерстные стремления, переживания («odd combinations», по Лифтону), одновременно пытаясь достичь целостности своей личности. Однако формирование «протеевской» идентичности не обязательно означает утрату Я, оно может, напротив, обострить проблему поиска его смысла. Живя в сложном мире, современный человек осознает множественность своих социальных ролей, неоднозначность оценки происходящих событий, неопределенность отношения к себе со стороны других людей. Естественным и нормальным становится осознание множественности «Я», что означает не потерю собственной идентичности, а ее новое понимание как «балансировки между постоянными метаморфозами и стремлением к целостности» (Труфанова, 2010; 196), более точное осмысление своего «Я» как принципиально переменчивого, неустойчивого, балансирующего. Новое понимание идентичности означает, что, утратив ощущение своей целостности, завершенности, определенности, индивид приходит к необходимости постоянного поиска своего «Я», адекватного новым обстоятельствам.

Подобное представление о сущности человеческого «Я» нужно обсуждать с молодыми людьми, вступающими в жизнь и профессиональную деятельность, чтобы их ощущение непостоянства «Я» не заканчивалось кризисом идентичности, а способствовало поиску нового «Я», причем тоже не окончательному, а также временному, готовому уступить место при необходимости другому осознанию «Я». Именно гуманитарное образование должно способствовать пониманию того факта, что современный («протеевский»)

человек, воспитывающийся в ситуации информационного бума, активного взаимодействия культур, виртуализации социальных взаимодействий сочетает в себе потенциально готовые к поочередной самореализации разнообразные личностные структуры.

Понятие идентичности, ее исторические трансформации должны быть представлены молодежи в курсах гуманитарного знания. В условиях разложения традиционного общества и формирования индивидуальных жизненных стратегий в обществе модерна появляется осознание собственной неповторимой индивидуальности, складывающейся из переживаний личного опыта, а также ожиданий и требований со стороны окружающих людей. В результате важным элементом воспитания становится научение человека самоопределять самого себя, выстраивать личностную Я-концепцию, позволяющую выступать активным субъектом деятельности. О целостности представлений «Я» и их возможных нарушениях как патологиях начал говорить З. Фрейд, используя понятие «перцептивная идентичность» (Фрейд, 2006). Социальные взаимодействия и реакции других людей как решающий фактор формирования устойчивой Я-концепции называют в 20-е годы XX века представители символического интеракционизма. (Кули, 2000.) К. Ясперс в работе «Общая психопатология» (Ясперс, 1997) уже уверенно говорит о личностной идентичности как одном из признаков нормально сформированного Я, означающего осознание себя индивидом как целостного, отличного от других, активного существа. Причем важнейшим свойством идентичности Ясперс считает осознание человеком своей определенности, сохранение того, что оставляет сущность Я.

В начале XX века сомнения человека в своей личностной определенности, целостности, неизменности рассматривались как патология, расщепление личности, психопатия, декаданс и т.д., что нашло отражение не только в научных исследованиях, но и в искусстве эпохи модерна. Образование в индустриальном обществе также рассматривает человека как носителя определенных знаний, квалификаций, умений, профессиональных навыков, личностных свойств и своей основной задачей ставит формирование определенного типа личности, отвечающего потребностям производства и ожиданиям общества.

Ситуация качественно меняется в 60-е годы XX столетия, с нарастанием процессов информационного разнообразия и социальной неопределенности. Человек начинает осознаваться как интерпретатор различных социальных ситуаций, создатель разнообразных стратегий технологического и экономического развития. Расширяется диапазон его социальных позиций, неоднозначными и подчас противоположными выглядят социальные роли. Социологи фиксируют статусно-ролевые конфликты, а психологи вводят в научный

оборот теорию идентичности, с помощью которой пытаются объяснить личностные проблемы (идентичность формируется, причем в различных направлениях, имеет разные стадии и ступени сформированности) и социальные противоречия (существуют различные уровни (индивидуальный и социальный) и типы идентичности (профессиональная, этническая, политическая и др.); возможны несоответствия и конфликты идентичностей (кризисы идентичности). Неслучайно создатель современной теории идентичности эгопсихолог Эрик Эриксон (Эриксон, 1996) определяет ее как психосоциальный феномен, как «чувство непрерывной самотождественности», которое не является однозначным и неизменным, а является способом принятия своего Я в зависимости от контекста социальных связей.

Еще более подвижную структуру личностной идентичности в информационном обществе наблюдают представители постмодернизма (Ф. Лакан, Ж. Бодрийяр), для которых человеческая субъективность принципиально не может быть сведена к единообразному Я. Человек никогда не может быть тождествен ни одному из своих атрибутов, поскольку постоянно находится в поисках самого себя и, следовательно, его Я никогда не может быть окончательно определено. Человек в постмодернизме, отражающем реалии информационного общества, не является в принципе целостным неделимым субъектом, а представляет собой фрагментированную, разорванную сущность: у человека всегда присутствует множество Я-образов, а идентичность представляет собой чувство непрерывности и последовательности психической жизни индивида, а также связи Я-образов в структуре человеческого Я. В современном информационном обществе идентичность человека представляется как «возможность существования единого, последовательного Я человека, сочетающего различные Я-образы» (Труфанова, 2010: 186).

Подобное понимание своей личностной неопределенности и открытости как условия жизни в современном обществе очень важно для вступающего в жизнь молодого человека. Информационное общество называют обществом риска, поскольку его развитие нелинейно и потому принципиально непредсказуемо. Кризисы и неожиданные повороты общественного развития могут быть адекватно восприняты людьми только в сочетании с трансформациями личной идентичности («кризисами идентичности», по Эриксону), которые выступают не жизненными трагедиями, а нормальными и естественными изменениями представлений о себе, своих целях и ожиданиях окружающих. Более того, Э. Эриксон вводит понятия «возрастные кризисы идентичности» и «негативная идентичность» для обозначения типичных трансформаций восприятия себя, собственного Я, присущих молодым людям в определенном возрасте в определенных социальных ситуациях, характерных для современности.

Причины и сущность кризисов идентичности как неотъемлемого элемента формирования личности современного молодого человека и бытия любого человека в информационном обществе рассматривает В. Хесле (Хесле, 1994). Различая Я-субъект и Я-объект в сознании современного человека, означающие реальное самосознание и нормативный образ своего «Я», заложенный воспитанием, Хесле отмечает периодически возникающие несоответствия между этими Я-образами, вызванные постоянно меняющейся социальной средой, когда человек вынужден признавать, что в реальности он не может больше соответствовать сформированному предшествовавшим опытом Я-образу. Осознание этого обстоятельства является первым шагом к уточнению своей новой идентичности, нахождению нового оптимального соотношения между воображаемым «Я» и реально действующим. Причинами подобных кризисов идентичности являются обыкновенные жизненные ситуации, требующие «нового взгляда» на себя, творческого отношения, чтобы найти основание для жизнедеятельности в новых обстоятельствах. Кризисы идентичности, по Хесле, могут быть вызваны трансформациями телесности (половое созревание, инвалидность), осознанием конечности бытия и страхом смерти, разочарованием в прежних идеалах и моральных нормах, ценностными новациями, личными неудачами и разочарованиями, даже встречей с более сильным и талантливym человеком (Хесле, 1994; 119). Подобными событиями наполнена жизнь современного человека, и научиться ориентироваться в калейдоскопе дел, находить выход из парадоксальных жизненных хитросплетений поможет система образования, опираясь на достижения философии, социологии, психологии и других гуманитарных дисциплин.

Особую актуальность в сегодняшнем мире, наполненном символическостью и виртуализацией благодаря интернет-вселенной, приобретает формирование и гармонизация *гендерной идентичности*, осознание своего пола, который важен не только для физиологических отношений, но определяет характер взаимодействий с другими людьми, выбор преобладающих объектов интереса, соответствующее исполнение социальных ролей, то есть имеет большое социальное значение и смысл. Ч. Кули в работе «Человеческая природа и социальный порядок», исследуя гендерное поведение, заметил изначально существующие различия между областями интересов мальчиков и девочек. Мальчики в большей степени центрированы на неодушевленных предметах, манипуляциях с ними и соответственно своей физической активности. Девочек же интересуют главным образом отношения с другими людьми и соответственно нюансы психологических состояний. На этом основано естественно сложившееся разделение труда между мужчинами и женщинами в традиционном обществе, которое, хотя и подверглось размыванию, сохранилось в основных чертах и в обществе современном. Гендер-

ная идентичность определяет не только характер трудовой активности, но и направленность жизненных интересов в целом, социокультурную роль полов в динамике цивилизационного развития. Поэтому наметившаяся ныне путаница и даже нарочитая фальсификация гендера ведет к непредсказуемым последствиям в социокультурном развитии, и нуждается в осмыслении и корреляции.

Современные исследователи (Эриксон, 1996; Бодрийяр, 2000, 2000(a)) отмечают характерное для нынешнего общества размывание гендерной идентичности. «Все мы агностики или трансвеститы от искусства или секса. У нас нет больше ни эстетических, ни сексуальных убеждений. Мы исповедуем все убеждения без исключения» (Бодрийяр, 2000; 35). Бодрийяр называет причиной данному явлению увлечение современной культуры символизацией, когда игра символами, произвольные трансформации значений, определяя реальность, становятся более важными и значимыми, чем подлинные процессы. Важная роль информации в обществе и связанная с этим новая символическая среда становятся основанием истинного конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), в результате чего символическое осмысление и игра со смыслами становятся причиной реальных процессов. Неопределенность сексуальных позиций современного человека, по Бодрийяру, обусловлена игрой знаков, в результате которой игра с полом становится важнее самого пола. Любой человек, с его точки зрения, транссексуален, потому что сексуальность — это прежде всего не биологическое понятие, а символическое. Возможность отделить себя от биологической сущности и ощутить целиком воображаемым субъектом вплоть до произвольной сексуальности — величайший соблазн мира информационных технологий. В работе, так и называемой «Соблазн», Бодрийяр размышляет о популярности трансвестизма в современной культуре, потому что это в чистом виде — игра знаков, «театральность, соблазн», в которой биологическая составляющая сексуальности вообще исключается, остается символизация пола в чистом виде.

Помимо увеличения значения символизации в информационном обществе есть и более прозаическая причина размывания гендерной идентичности. Новые технологии увеличивают интеллектуальную составляющую профессий, снижают зависимость труда от физических кондиций, в результате для большинства современных профессий пол претендента не имеет значения, ими с одинаковым успехом могут заниматься как мужчины, так и женщины. Постепенное исчезновение традиционного гендерного разделения труда неизбежно вызывает трансформации гендерного поведения и социальных взаимодействий. Руководители и подчиненные, заказчики и исполнители, то есть прежде всего социальные роли определяют структуру современных общественных отношений. Хотя, по данным современных социологических ис-

следований (Липовецкий, 2003), профессиональное и социальное равноправие полов, не говоря уже о политическом, не ведет к исчезновению разделения полов, можно все-таки констатировать, что четкость разграничения гендерного поведения, определяющая во многом половую идентичность, размывается и теряет былую однозначность.

Третьей причиной изменения гендерной идентичности в современном мире является расширение виртуальной составляющей человеческого общения и деятельности. Интернет создает возможность разнообразных типов виртуального взаимодействия, в котором определение пола целиком зависит от воли участников. Люди могут выступать в интернет-взаимодействиях под видом другого пола, чем на самом деле, в результате проживают новые жизни и ситуации, это обогащает их жизненный опыт, позволяет поиграть с самоидентификацией, получить новые ощущения и предпочтения. Это позволяет исследователям (Труфанова, 2010; 201-202) говорить о распространении «виртуальной социогенной кроссгендерности», являющейся необходимым элементом ролевых субкультур в виртуальном пространстве Всемирной Паутины.

Наконец, четвертой причиной распространения кризисной гендерной идентичности в современном обществе следует назвать обилие и разнообразие источников и средств информации, в частности роль СМИ в формировании жизненной модели поведения и самоидентификации. Э. Эриксон писал в свое время, что благодаря СМИ современная молодежь хорошо осведомлена о своем психологическом становлении и развитии, знает, что у нее бывают кризисы идентичности — и зачастую бравировает этим, объясняя свое произвольное поведение объективными проблемами сложного личностного становления. Сегодня подобная ситуация складывается с гендерной идентичностью. Обилие «медийных поводов», повествующих о нетрадиционной сексуальной ориентации (неважно, с положительным или отрицательным знаком) создает вокруг этой темы ареал скандальности, привлекая к себе пристальное внимание читателей и слушателей, создавая впечатление злободневности, актуальности этой проблемы для каждого человека, а молодыми людьми воспринимается как модная тема, дающая повод для самореализации, выделения из толпы, поиска своей личности. Молодежь по определению находится в стадии становления идентичности, и популяризация и широкое обсуждение нетрадиционной сексуальности в СМИ приводит к путанице в самосознании подростков, провоцирует диспропорции при прохождении возрастных кризисов идентичности.

В информационном обществе становление гендерной идентичности меняет свое направление по сравнению с традиционно сложившейся социальной практикой. Гендер зачастую определяется не зависимостью от биологи-

ческого пола, диктующего нормы поведения и способы мировосприятия, а наоборот — от выбора своей ориентации к осознанию своего пола. Это может быть связано с увеличением роли информационной, виртуально-символической составляющей в жизни современного человека, и особенно это касается молодежи. Сфера информации является для нее более значимой, чем материальный мир. Становление гендерной идентичности превращается в виртуально-символическое конструирование своей половой принадлежности.

Подобные метаморфозы, происходящие с современным человеком, должны обсуждаться с молодыми людьми в ходе их социализации в образовательном процессе. Они смогут понять, почему гендерное самоопределение не является в информационном обществе однозначной и устойчивой характеристикой «Я» человека. Оно, как и другие Я-образы современного человека является изменчивым, «текучим», подверженным кризисам идентичности. Гендерная идентичность в информационном обществе, таким образом, не задается однозначно в процессе воспитания, подвержена трансформациям, нуждается, следовательно, в формировании, подразумевающим разумное осмысление этих процессов самим человеком. Образование в современном обществе может и должно способствовать становлению гендерной идентичности. Нынешнее технологическое общество не столь требовательно к гендерным различиям при выборе профессии, линии поведения, жизненным ориентациям, что может привести к тому, что значимость гендера может быть сведена только к области интимной жизни. Помочь осознанию этих проблем и способствовать сохранению символического различия между полами, их социальными ролями и отношениями, призвана система образования.

Литература:

- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
- Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
- Липовецкий Ж. Третья женщина. СПб., 2003.
- Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010.
- Фрейд З. Толкование сновидений. СПб., 2006.
- Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.
- Lifton R.J. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. N. Y., 1993.

Философия театра: концепция и структура учебной дисциплины

Г.А. Вострова*

Продолжая традицию обсуждения на заседаниях секции «Высшее образование и мировая культура» материалов спецкурсов и факультативов, автор представляет свой опыт разработки нового учебного курса для студентов отделения культурологии философского факультета НИУ-ВШЭ.

Программа курса охватывает хронологически краткий, но принципиально значимый период, определивший эстетические основы театральных исканий XX века в целом. Следует отметить, что сферы современных теоретических исследований, посвященных театральной культуре Серебряного века, обозначены достаточно четко. Они представлены несколькими обзорными монографиями и статьями последнего десятилетия. В контексте формулируемых далее задач курса упомянем некоторые направления: комплексный анализ игры и театральности в художественной культуре «Серебряного века» (Вислова, 2000); рассмотрение корпуса программных произведений и манифестов 10–20-х годов XX века в качестве пролога к театральной антропологии (Иванов, 2003); исследование русской театральной утопии начала XX века не только в контексте мировоззрения художников и мыслителей, но и как определенный культурно-исторический феномен (Стаخورский, 2007).

Задача данной учебной дисциплины состоит в обзорном ознакомлении с многообразием эстетических программ, рассматривающих театральность как видовую субстанцию, разбирающих структурообразующие элементы сценического искусства, выявляющих типологию актерского творчества, исследующих проблему синтеза искусств. Выбор как персоналий, так и основных произведений для обсуждения в формате семинарских занятий, конечно же, не случаен. Он определяется, прежде всего, востребованностью основных идей и концепций рассматриваемого периода в теории и практике сегодняшнего театрального процесса. Правда, формы этой востребованности бывают разные — как эксплицитные, так и имплицитные. От внимательного изучения в последние два десятилетия театроведами, философами, филологами, семиологами, психоаналитиками феномена Н.Н. Евреинова, актуализированного триумфальным возвращением его наследия (Джурова, 2010) до недостаточно исследованного специалистами нашего времени наследия С.М. Волконского, хотя само наследие, независимо от этого, живет своей интенсивной жизнью в практике актерского образования (Рутберг, 2011).

* Вострова Галина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ-ВШЭ).

Помимо упомянутого приоритетного критерия есть еще один критерий (отразивший определенные пристрастия составителя программы), условно называемый «чеховский», — «надо, господа, дело делать». Поэтому подробное включение биографических комментариев, развернутое описание включений теоретической мысли персонажа сквозь призму личной и художественной судьбы осуществляется в том случае, когда его деятельность нашла отражение не только в театральной теории, но и в практике театра. Так, достаточно упомянуть несколько знаковых событий в творческой биографии Волконского: исполнение главной роли в спектакле домашнего театра по запрещенной тогда для сцены пьесе «Царь Федор Иоаннович», после чего за ним утвердилась репутация «талантливого актера-любителя»; новаторская деятельность реформатора на посту директора Императорских театров; сочинение и постановка в Мариинском театре аллегорического действия в форме одноактной пантомимы «1914 год»; послереволюционное преподавание в театральных студиях. Далее, любое исследование по наследию Ф.А. Степуна фиксирует его жизненный путь как цепь перевоплощений — «он сменил в жизни невероятное количество ролей, порой играя их одновременно» (Кантор, 2000: 9). Вот далеко не все творческие измерения мыслителя — философ и писатель, офицер, артиллерист, профессиональный лектор, политический деятель, теоретик театра, актер, режиссер (после Октябрьского переворота работал в ТЕО Наркомпроса, выступал с лекциями по теории драматического искусства, был одним из организаторов и заведующим литературной частью Первого государственного Показательного театра, сочетая роль «идейного руководителя» с работой над постановкой спектакля «Царь Эдип» Софокла). А уж многоликость и многожанровость театрального существования Евреина давно стали легендой.

Лекционный курс начинается с Волконского, и это означает, что в антологии русской театральной мысли первых десятилетий XX века он является одной из центральных фигур. Как полагают отечественные историки театра, Волконский в начале прошлого века был одним из немногих, кто создавал в России новую специальность — театроведение (Бачелис, 1992: 261). В эстетическом наследии Волконского тема театра не только занимает особое место, но и определяет его проблемное единство. Это единство обеспечивается как основным предметом исследования, так и позитивистским подходом к анализу актерского искусства. Исследование темы «Что такое актер как материал театра?» очертило индивидуальность мыслителя в его театроведческом поиске еще до всякой систематически целостной разработки. И как теоретик, и как общественный деятель в области театрального образования, и как критик Волконский оставался сторонником позитивистского метода в исследовании искусства. Открещиваясь от «аэропланности» в разговорах о

проблемах театра, он постоянно заострял внимание на том, что его «тянет к подмосткам». И Волконский станет одним из первых теоретиков в истории русского театра, который займется разработкой технологии пластической формы актерской игры, а к 1911 году четко обозначит контуры будущего театрального образования. 1910-е годы в жизни Волконского связаны с созданием и пропагандой собственной «ритмической утопии» — универсальной системы движения человеческого тела как «материала жизни», основанной на соединении учения Э. Жак-Далькроза (апологии Ритма) и теории Ф. Дельсарта (о психологически выразительном жесте). Одна за другой выходят его книги: «Человек на сцене» (1912), «Выразительный человек» и «Выразительное слово» (1913), сборники журнальных статей «Художественные отклики» (1912) и «Отклики театра» (1914). Освоение специфического языка телесной и речевой выразительности актерского творчества Волконский считал насущными задачами как для драматической сцены, так и для определенного этапа театральной критики (см.: Вострова, 2008).

После изложения семиотического подхода к анализу искусства актера в наследии Волконского целесообразно рассмотреть феноменологический подход к анализу актерского творчества Степуна. К проблеме артистизма мыслитель обращался на протяжении всей своей жизни — в историсофских исследованиях и мемуарах, в статьях по основным проблемам театра и в актерских портретах. Название его главной, основополагающей философской работы «Жизнь и творчество» указывает на одну из стержневых мировоззренческих тем Степуна: антиномия жизни и творчества. В ней дается «философское осмысление религиозной природы творческого акта и его отношения к жизни и культуре»; в ней же определится будущая философская методология автора, суть которой — «вживание», интуитивное проникновение в познаваемое с целью преодоления его объектной чуждости» (Ермичев, 1999: 395, 396). Конкретизацию антропологических моментов философии творчества Степун осуществляет через культурологический анализ актерства как типа души в диалогии о природе и типах актерского творчества. Типология душевных укладов сводится к различению трех форм человеческого существования в зависимости от того, как в них соотносятся начала жизни и творчества. Актерская душа рассматривается как наиболее активно проявляющийся тип сознания, отвечающий творческим задачам личности. На фоне предлагаемой характеристики артистической души строится классификация актерского творчества. Согласно этой типологии, явление актера-имитатора соотносится с мещанским разрешением проблемы единогодушия и многодушия, душевному строю артистизма соответствуют актер-изобразитель и актер-воплотитель, тогда как актер-импровизатор воплощает в своем творчестве мистическое и пророческое мировоззрение.

Обращение к творчеству самого парадоксального персонажа театрального авангарда Серебряного века — Николая Евреинова — предполагает выявление точек соприкосновения Евреинова-теоретика, Евреинова-драматурга, Евреинова-режиссера. Этот ход становится возможным через освещение движения еврейновской мысли от теории к ее практическому воплощению через призму рассуждений от идеи тотальной «театрализации жизни» к системе «театротерапии» (см.: Вострова, 2010). Впервые идея терапевтического эффекта сцены появляется в контексте теории монодрамы («Введение в монодраму», 1908). Позже замысел частично оформляется в работах «Театр как таковой» (1912) и «Театр для себя» (1915–1917), статье «Театротерапия» (1920). Выводя театральность за скобки рассмотрения театра как официального института, Евреинов настаивает на ее пре-эстетизме и объявляет врожденным биологическим свойством. Со временем именно эта апелляция к бессознательной природе потребовала изобретения новаторской авторской терминологии: «инстинкт театральности», «воля к преобразению», «инстинкт преобразования». Ценностным объектом преобразования становится жизнь, которая, поначалу чужая и непонятная (как Природа), «становится через театрализацию близкой и понятной». Поэтому сцена, возвращающая жизни все (заимствованное для правдоподобия) с процентами творческого преувеличения, может быть своеобразной энциклопедией жизненных сценариев. Психоаналитический ход дальнейших рассуждений о практическом значении театра (принцип театротерапии) разрабатывается Евреиновым в нескольких направлениях: драматургическом (пьесы «Самое главное», «В кулисах души»), экспериментальном («О новой маске. Автобио-реконструктивной»), теоретическом («Откровение искусства»).

Переход к изложению театральных воззрений русских символистов требует привлечения дополнительных источников из истории эстетической мысли, посвященных: теме музыки в романтическом мироощущении (от Э.Т.А. Гофмана до А. Шопенгауэра), проблеме синтеза искусств в наследии Р. Вагнера, ницшеанской концепции первоначал культуры и экстатического начала трагедии, основным идеям положительной эстетики В.С. Соловьева. Ведущей темой в осмыслении философии искусства русского символизма может стать анализ творчества Вяч. Иванова, которое обозначило границу между старшими символистами и младшими, «декадентами» и «теургами», теориями «идеалистического» символизма и «реалистического» символизма. Его поэзия, драматургия, эстетика насыщены сложной многоуровневой символикой. Центральный символ этой художественной философии — образ «страдающего бога» Диониса — был предметом не только научных исследований, но и поэтического вдохновения. «Театр будущего» видится Иванову мифотворческим, освещенным изнутри светом соборного дионисизма (см.:

Стаخورский, 2007: 88–128). Идея всенародного искусства, «соборного действия» становится для поэта-«теурга» основной темой жизни и творчества. Теория «жизнестроения», экспансии искусства в жизнь воплотилась в идею создания театра-мистерии, где «зритель должен стать деятелем, соучастником действия». Эта театральная утопия Иванова была воспринята некоторыми современниками (даже теми, кто разделял его веру в жизнестроительные возможности театра) весьма своеобразно. В связи с этим было бы интересно сопоставить утопические построения ученого с другими театральными теориями символизма — Ф.К. Сологуба, Г.И. Чулкова, А. Белого; сравнить с пониманием эстетической нормы театра В.В. Розанова и его амбивалентной оценкой актера как проводника дионисийского начала, проследить особенности полемики с оригинальной эстетической иллюзией М.А. Волошина — идеей «театра как сновидения».

Дисциплина рассчитана на 36 часов аудиторного изучения, из них 20 часов — лекции, 16 часов — практические занятия. Завершается изучение курса зачетом. С учетом методических требований стандарта разработана следующая программа спецкурса «Философия театра в эстетике Серебряного века» для студентов отделения культурологии философского факультета НИУ-ВШЭ.

Тема 1. Введение в дисциплину. Проблема «искусство и жизнь» как экзистенциальное переживание деятелей русской культуры начала XX века. Попытка преодолеть отчуждение театра от бытия как одна из основ театральной революции. Преломление в театральном самосознании религиозно-мифологических исканий времени. Связь с идеей ретеатрализации театра как проблем художественного языка и эстетики, так и философских и антропологических аспектов. Многообразие концептуальных подходов в актуализации проблемы соотношения «театра» и «жизни».

Тема 2. Театральная теория С.М. Волконского. Первые шаги к «положительному театроведению»: анализ природы художественного наслаждения, обоснование роли сознательного элемента в творчестве, поиски оснований построения научной эстетики и художественной критики. Критическое отношение В.С. Соловьева к «эстетическому сепаратизму» Волконского («Первый шаг к положительной эстетике»). У истоков русской театральной семиотики: позиция теоретика и позиция критика.

Тема 3. Театральная теория Ф.А. Степуна. Основная тематика исследований: философское осмысление природы творческого акта; отношение творчества к жизни и культуре, способы его реализации («Жизнь и творчество»). Конкретизация антропологических моментов философии творчества: культурологический анализ актерства как типа души. Проблемы артистизма, типология актерского творчества, теория перевоплощения. Трагическое ис-

кусство как устремленность к «метафизическому просветлению жизни». Романтическое мироощущение философии трагедии: трагедия как высшая форма осознания и преображения жизни.

Тема 4. Пантеатральное мышление Н.Н. Евреинова. Основные положения концепции «театрократии» и тотальной «театрализации жизни»; создание «театра для себя», система «театротерапии». Переоценка понятия театральности: воля к театру как всеобщий принцип бытия и положительное начало жизни. Принцип преображения «Я» как проявление приобщения личности к общечеловеческому театральному началу. Идея монодрамы как выражение принципа театральности в действии. Концепция происхождения театра из эшафотной практики и эстетики. Пьесы Евреинова как отражение этапов эволюции концепции театральности. Евреинов-теоретик, Евреинов-драматург, Евреинов-режиссер: точки соприкосновения.

Тема 5. Театральные искания символистов. Теоретические источники русского символизма: А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Р. Вагнер, В. Соловьев. Общий смысл полемики «декадентов» и «теургов». Д.С. Мережковский: символизм как идейно-художественное направление и как тип сознания. Вяч. Иванов о двух течениях в русском символизме. Театральное самосознание о глубоком кризисе сценического искусства, «футуристическая» направленность театральной мысли (сборники: «Театр. Книга о новом театре», «Кризис театра», «В спорах о театре»).

Тема 6. Идея «соборного театра» в эстетической системе Вяч. Иванова. Театральная теория в контексте религиозно-философских взглядов поэта. Эволюция театральных воззрений. Р. Вагнер как провозвестник нового дионисийского творчества и предтеча вселенского мифотворчества. Философия трагедии. От «эстетической нормы» соборного театрального действия к концепции «театра будущего». О «футурологической» направленности театра. Проблема синтеза искусств. Особенности дионисийского мировосприятия А.Н. Скрябина.

Тема 7. Театральные воззрения В.В. Розанова. Энергетические линии и интеллектуальные ходы розановского эстетического сознания. Пространство эстетического опыта. Розанов о могуществе театра как «самом живом выражении жизни» в искусстве. Тенденция к религиозно-мифологическому пониманию театра. Актерский театр — единственное искусство, которое может конкретизировать религиозные и нравственные понятия. Модернистская легенда о зарождении актерского типа. Амбивалентное отношение к таинству перевоплощения магической природы актерства. Видение в обостренной чувственности актерского организма спасение от кризиса культуры.

Тема 8. Теория театрального искусства М.А. Волошина. Научные контексты, сообщающие основной для эстетики Волошина категории «твор-

ческое сновидение», конкретный смысл: психоанализ З. Фрейда, антропософия Р. Штейнера, эстетика Ф. Ницше. Убежденность в жизнестроительных возможностях искусства («Магия творчества», «Индивидуализм в искусстве»). Перенос категории эстетического сновидения в анализ современного театрального процесса. Метафорический смысл призыва обратить сцену в сновидение. Значение зрительского восприятия как главной составляющей бытия спектакля. Прогноз о возникновении в будущем подлинной стихии русского театра — трагедии.

Тема 9. Театральные темы в эстетическом наследии П.А. Флоренского. Духовная интерпретация художественного творчества в эстетике Флоренского. Разработка понятий прямой и обратной перспектив как конкретно-исторических типов художественного изображения. Трактовка проблемы театра в связи с классификацией искусств как способов организации пространства. Причины критической оценки возможностей театра: ограничения, налагаемые на художника театральной формой; жесткость актерского материала; наименьшая активность зрителя и наименьшее многообразие восприятия. Идея преодоления актера как самоцельной величины. Проблема художественного синтеза искусств в применении к театру.

Тема 10. Теория драматического искусства Г.Г. Шпета. Развитие философии искусства в духе гегелевской эстетики. Определение театра как эстетического феномена и самостоятельного искусства. Созидание театрального искусством *отрешенной действительности*, воссоздающей ее смысл через эстетическую идею. Анализ символической природы актерской экспрессивности.

Представленный курс был разработан автором три года назад для, как уже было отмечено, студентов-культурологов НИУ-ВШЭ. Сейчас, параллельно с целевой аудиторией, некоторые темы дисциплины читаются на режиссерском факультете Российского университета театрального искусства — ГИТИС в рамках курса «Эстетика». И привычное развитие событий в расширении многообразных тем курса видоизменилось. Например, культурологическую аудиторию интересует переход в размышлениях Волконского об актерской выразительности от театральной эмпирии к философскому дискурсу, от сольфеджио искусства жестов к космологическому осмыслению семантических координат театрального пространства. Режиссеры же акцентируют свое внимание на других моментах: сравнении эстетических теорий биоритмики Волконского по Жак-Далькрозу и биомеханики Вс. Мейерхольда, различии в понимании «психологического жеста» Волконским и Мих. Чеховым. Хотелось бы верить, что такие иллюстрации подвижности и пластичности содержания курса свидетельствуют о его актуальности.

Литература

- Бачелис (1992). Бачелис Т.И. О Волконском // Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т. 2. Родина. М., 1992. С. 357–382.
- Вислова (2000). Вислова А.В. «Серебряный век» как театр. Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. М., 2000.
- Вострова (2008). Вострова Г.А. Семиотический метод исследования актерского творчества в эстетике С.М. Волконского // Метафизика креативности. М., 2008. Вып. 3. С. 67–80.
- Вострова (2010). Вострова Г.А. «Инстинкт театральности» Н. Евреинова: от театрализации жизни к театротерапии // Искусство как творчество социальности и проблемы социокультурной реабилитации: Сб. статей по материалам научно-практической конференции. М., 2010. С. 38–46.
- Джурова Т.С. Концепция театральности в творчестве Н.Н. Евреинова. СПб., 2010.
- Ермичев (1999). Ермичев А.А. Ф.А. Степун. Очерк жизни // Степун Ф.А. Портреты. СПб., 1999.
- Иванов (2003). Иванов В.В. От ретеатрализации театра к театральной антропологии // Театр XX века. Закономерности развития / под ред. А.В. Бартошевича. М., 2003.
- Кантор (2000). Кантор В.К. Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия Разума // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
- Рутберг (2011). Рутберг И.Г. Опыт и исследования Ф. Дельсарта, продуктивные для искусства пантомимы // Академия пантомимы: теория и практика: Сб. статей / отв. ред. Е.В. Маркина. М., 2011. Вып.1.
- Стахорский (2007). Стахорский С.В. Искания русской театральной мысли. М., 2007.

Проблема свободы в творчестве Ф.М. Достоевского и ее актуальность для образования XXI века

*Н. С. Дубовицкая**

В условиях изменения задач современного образования в российской высшей школе сегодня происходят значительные трансформации: ВУЗы обновляют содержание дисциплин, обязательных для тех или иных специальностей. Все чаще в те или иные учебные дисциплины включаются такие вопросы, которые способствуют не только подготовке современных, востребо-

* Дубовицкая Наталья Семеновна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного Университета Управления.

ванных на рынке труда специалистов, но и влияют на их личностное, гражданское развитие. Одной из таких проблем в курсе «Философия» выступает проблема свободы в творчестве Ф.М. Достоевского.

Что же собой представляет свобода? Каждый философ трактует свободу по-своему, вкладывает в нее определенный смысл. Сократ считал, что свобода — это следование разумному порядку мира. Со времен Аристотеля европейская культура анализировала такой аспект свободы как свобода воли человека. В XVIII веке Б. Спиноза отождествил проблему свободы с проблемой необходимости. Гегель выявил диалектическое единство свободы и необходимости. Для К. Маркса необходимость выступает как первичное начало, а воля, сознание человека — как вторичное. По его мнению, объективные законы и природы, и общества — это форма существования необходимости.

Ф.М. Достоевский раскрыл совершенно другой аспект понимания свободы, открыл новый духовный мир человека, его духовную глубину, увидел и прочувствовал необходимость личной, неограниченной никакими внешними причинами, иррациональной свободы человека.

Многие выводы Ф.М. Достоевского о свободе не только актуальны для нашего времени, но и жизненно необходимы. Он, так же, как и мы, жил в эпоху реформ, когда в России во второй половине XIX века переплелись старые ценности с новыми, при этом нравственные черты старого не исчезли с отменой крепостного права, а, наоборот, получили свое новое развитие: эгоизм, алчность, продажность, цинизм, рабство. Новые условия оказались очень благоприятными для развития индивидуалистического сознания, которое постепенно начало вытеснять традиционные русские духовные ценности и способствовало появлению людей, живущих по принципу «после меня хоть потоп»: жажда личного материального обогащения любыми средствами и способами. Это было признано в качестве высшей цели человека, в качестве его свободы. При таком понимании цели и свободы разрушается само общество: распадается семья, процветает пьянство, увеличивается число самоубийств.

В творчестве Ф.М. Достоевского главной проблемой выступает проблема свободы, для раскрытия сущности которой надо проанализировать следующие вопросы:

- а) проблема зла;
- б) феномен страдания;
- в) свобода и своеволие.

Проблема зла рассматривается Ф.М. Достоевским как первая, начальная ступень к пониманию свободы. Во второй половине XIX века существовала теория зла, по которой зло являлось продуктом несовершенных общественных отношений. Писатель же имел свой собственный взгляд на происхо-

ждение зла: оно было связано со свободным актом непринятия человеком Бога. Человек отказался от абсолютности собственной личности и признал свою детерминированность объективными законами окружающего мира.

Во всех произведениях Ф.М. Достоевского показаны противоречия, существующие внутри человеческой души, приводящие к искажениям природы человека. Какова причина этих противоречий? Она объясняется наличием зла в человеческой природе. Человек Достоевского видит свою внутреннюю искаженность, но не видит ее причину, поэтому воспринимает ее как препятствие на своем пути, которое трудно преодолеть.

Но, не поняв причины зла, лежащей внутри его, и не желая исправить последствия зла, человек лишь ухудшает ситуацию: он связывает происхождение зла с внешней причиной — с несовершенством общества, и «пробивание стены» рассматривается им как вызов, протест против этой среды.

Эта проблема логически порождает новую идею — идею преступления. Согласно ей, пробить стену социальной несправедливости можно тогда, когда человек сам будет решать, кто полезен в этой жизни, а кто — нет. Такая теория устранения «препятствия» появляется в голове Родиона Раскольников в романе «Преступление и наказание»: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как бы думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел?... Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит жизнь этой...злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна...Она чужую жизнь заедает...» (Достоевский, 2006: 73). В приведенном высказывании раскрывается отношение к жизни человека: она обесценивается, теряет свою уникальность и неповторимость. Дается самое простейшее понимание человека как элементарной общественной единицы. При этом и зло рассматривается очень примитивно и измеряется критерием социальной полезности. Старушка является «злой», так как не приносит никакой пользы обществу, поэтому является паразитом. Устранение этого зла Родион Раскольников оправдывает тем, что это зло — меньшее, что убийство старухи — это не преступление, а «преступленье».

На первый взгляд, Раскольников выступает за общественное благо, а на самом деле мы видим его глубокие, корыстные мотивы: он стремится к власти «...над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» (Достоевский, 2006: 352). Отвергая абсолютность человека, он сознательно к ней стремится и решает ее в социальной плоскости. Однако для Достоевского важным является не то, как решается проблема, а то, что она существует изначально. Решив изменить мир по-своему, Раскольников считает, что не может быть «дрожащая тварь» абсолютной и уникальной. При этом сам он же-

лает достичь абсолютности, которая является для него первичным. Это говорит о том, что решение проблемы зла злом имеет свою основу. Ф.М. Достоевский пишет, что Раскольников совершил преступление не потому, что не «слышит» «голоса ...идущего из глубин ...человеческого сердца» (Давыдов, 2008: 405), он «слышит» его, только не может это услышанное реализовать.

Таким образом, Раскольников, пройдя через преступление, обращается к глубинам своего духа. Оказывается, через опыт зла и преступления человек открывает в себе такую духовную глубину, о существовании которой даже и не подозревал. Проходя через такой опыт, человек проходит процесс своей духовной эволюции.

Кроме того, в опыте раскрывается мысль, что не все, что выступает добром для разума, действительно им является. Очень часто добро выступает как зло. Достоевский доказывает, что логикой и разумом невозможно отличить добро от истинного зла, что можно лишь создать различные маски зла, которые не всегда соответствуют его настоящему содержанию: «Никогда разум был не в силах определить зло или даже отделить зло от добра, хотя ...всегда позорно смешивал ...» (Достоевский, 2008, I: 232).

Неправильно оценивая «добрую» маску зла, человек приходит к одержимости какой-либо благой идеи, к одержимости на ступени своей духовной жизни. Достоевский предупреждал, что одержимость духа, с одной стороны, и мораль, которая должна лечить ее, с другой, — это самое опасное проявление зла в обществе. Именно здесь зло маскирует свою духовную сущность, то есть предстает нам как некое условное добро и условное зло, разыгрывающее между собой театральное представление в сознании человека и отвлекающее его от сущности понимания вещей. В романе «Бесы» эта проблема показана писателем очень глубоко. Под маской протеста против общества может скрываться многоликий духовный демонизм: «Целое общество людей, одержимых мечтой о ...перевороте ...совершают зверские преступления и гибнут позорным образом» (Соловьев, 1990: 71–76).

Представители этого общества нигилистов, которые являются сторонниками светлых идей общественных изменений, ясно понимают, что избрали путь зла и идут по нему.

У Достоевского есть герои, которые вроде бы не одержимы злом и стремятся к добру. Они — неоднозначны для него, так как их добро часто сводится к одной из масок зла. Писатель, анализируя человеческую душу, видит всю ее сложность: она содержит в себе парадоксальные противоречия. Например, проблема зла может плавно перетекать в проблему добра. В душе человека могут существовать одновременно и стремление к Богу, и его отторжение, и добро, и зло. Достоевский рассматривает душу в постоянной динамике, она у него не статична. Человеческая жизнь так же понимается им

как постоянный динамический процесс борьбы между двумя полюсами: «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (Достоевский, 2008, II: 661).

Таким образом, Достоевский, исследуя проблему зла, приходит к неожиданному выводу, что человеческая душа содержит в себе противоречия. Даже в человеке, одержимым злом, может существовать и стремление к добру

При анализе проблемы зла обнажаются более глубокие проблемы, лежащие в основе человеческого бытия. Основной из этих проблем, требующих разрешения, является проблема свободы. Выбор в поиске свободы разрушительных начал определяется Достоевским как зло. Свобода в данном случае выступает как инструмент для выбора, результатом которого может стать или добро, или зло. От проблемы зла Достоевский логично переходит к феномену страдания, так как его герои, когда отказываются от свободно выбранного ими пути зла, свободно принимают страдание. Анализ человеческого страдания играет большую роль в творчестве писателя. Свободно избрав путь зла, его герои запутываются в противоречиях, идет процесс раздвоения человеческой личности. Чтобы преодолеть это, героям надо принять страдание.

Опыт зла показывает, что страдание неизбежно при свободном выборе добра, оно порождено опытом зла. Захотев изменить себя, стать целостной личностью персонажи Достоевского испытывают необходимость в страдании, принимают это страдание. Они страдают не из-за внешних, объективных причин, их страдание связано с внутренней жизнью души.

В обыденной человеческой жизни существует своя логика, детерминированная законами, установками, стереотипами, штампами. Герои Достоевского нарушают эту логику, когда идут на преступление для разрешения своих внутренних проблем (не ради меркантильных целей) и когда принимают страдание для искупления своей вины. Именно в страдании происходит духовное воскрешение человека, появляется возможность принятия его душой Бога. Об этом так говорит Дмитрий Карамазов: «...мы будем в цепях и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог дает радость...И тогда мы ... запоем ... трагический гимн Богу, у которого радость!» (Достоевский, 2008, II: 604).

Человек не может жить без этой радости внутренней гармонии и единения с Богом. Однажды вступив на путь зла, то есть совершив преступление, человек осознанно или неосознанно стремится к страданию, которое очищает его и награждает его радостью.

Но Достоевский показывает нам и человека, который часто отвергает страдание. Для него страдание обычно понимается как нежелательное воздействие внешних, объективных причин. В действительности страдание — это одна из сторон внутренней жизни духа. Например, Версиков из романа «Подросток» хотел бы безмятежно существовать, отказываясь от любой ответственности работы над собой: «Я никому ничего не должен, я плачу обществу деньги ... за то, чтоб меня не обокрали, не прибили и не убили, а больше никто с меня ничего требовать не смеет. Я, может быть, ... и захочу служить человечеству, и буду, и, может быть, в десять раз больше буду, чем все проповедники; но только я хочу, чтобы с меня никто не смел требовать. Моя полная свобода, если я даже и пальца не подыму» (Достоевский, 1955: 56). Как мы видим, здесь тема страдания тесно переплетается с темой свободы. Речью Подростка Достоевский анализирует настроения людей, которые мечтают об успокоенности человека через обеспечение его существования материальными благами. Эти люди не понимают, что такие мечты исключают духовный аспект человеческого бытия, который представляет собой внутреннюю работу духа, и как следствие этой работы — самоочищающее страдание.

Достоевский учит нас тому, что опыт зла должен преодолеваться страданием, а, следовательно, преступление требует наказания, (но не юридического), а такого, которое предполагает страдание, свободно принятое.

Осмысление Достоевским страдания приводит его к выводу, что человек — существо абсолютное и для него существует возможность реализации свободы. Страдание помогает человеку стать выше мира, в котором он живет. Именно страдание разрушает всяческие стереотипы, штампы. Только через страдание человек может понять, что трагедия свободы лежит не во внешнем мире, а во внутреннем, в нем самом. Страдание у Достоевского — это одна из ступеней человеческого духовного развития. Оно очищает человека и выводит его на глубину собственного бытия. Другого пути нет. Путь страдания или «узкий путь» со всех сторон окружен грехом, безумием и злом.

Стремление человека к страданию и даже порой наслаждение им — это одна из черт антропологической концепции Достоевского. Писатель говорит о том, что человек не может жить без страдания, так как оно является внутренним по отношению к его природе. То есть Достоевский утверждает, что, во-первых, человек имеет право на страдание, а, во-вторых, наделяет это страдание каким-то высшим смыслом.

Преодолевая зло через очищение, страдание не является самоценным. Оно раскрывает самый важный и глубинный вопрос бытия человека — вопрос о свободе. И зло, и страдание возможны потому, что возможна свобода.

Однако сам человек не всегда осознает проблему свободы и приходит к ней только через опыт зла и страдания. Это подтверждают и герои произведений Достоевского.

Центральной фигурой великого писателя является человек, цель и смысл его жизни. Среди разных философских проблем именно через призму человека Достоевским выделяется наиболее важная по сравнению со всеми — проблема свободы. Он не анализирует различные стороны и периоды жизни человека, его интересует лишь какое-то мгновение из его жизни, в котором рушатся и подвергаются сомнению привычные стереотипы. Именно в этом мгновении сходятся все противоречия, и оно выступает «пороговой», критической точкой в жизни человека, так как тогда он осознает, что находится в рабском положении, полностью зависит и от внешних факторов, и от своего внутреннего угнетенного состояния. Человек начинает понимать, что надо искать выход из сложившейся ситуации — искать свою свободу. Раскольников у Достоевского находится именно на пути такого поиска свободы. Свобода для него рождается в глубине его духа. В поиске свободы Раскольниковым можно выделить следующие моменты:

а) вопрос о свободе появляется у героя как протест, вызов миру, несправедливому и лживому. Город выступает для него этим миром, где существуют, а не живут духовно изуродованные жертвы: Мармеладов, Свидригайлов, сам Раскольников. Но в отличие от перечисленных героев, Раскольников не двигается по инерции, он живет, он ставит вопрос о своем существовании: «тварь дрожащая или имею право» (Достоевский, 2006: 131), он выводит свою формулу, которая противоречит общепризнанным и близка к бунту;

б) в поиске свободы Раскольников готов пожертвовать всем, пойти на все, так как ему нужна абсолютная свобода от мира, где он живет. Только так он может показать свою самодостаточность. Абсолютная свобода для него — это его вера, это его Бог;

в) у Раскольникова начинается процесс раздвоения личности при выборе свободы, он начинает враждовать не только с внешним миром, но и с самим собой. Однако при всех его противоречиях, он не идет в своем раздвоении до конца, находит в себе силу выйти из порочного круга и вернуться к тем стереотипам, против которых же и выступал.

Другая свобода прослеживается у Ивана Карамазова: с одной стороны, он, как и Раскольников, выступает, бунтует против общепринятых аксиом, а, с другой стороны, он голосует за получение абсолютной свободы путем преступления на более высоком духовном уровне. Он утверждает: «Если Бога нет, то все позволено» (Достоевский, 2008, II: 639). Ивану нужна абсолютная свобода, чтобы самому стать на место Бога. В романе очень глубоко показано

автором раздвоение личности, ее раскол. Одна из сторон личности персонализируется в образе «черта», достигает некоторой автономии. В образе черта раскрывается отрицательная сторона самых гадких мыслей и чувств личности Ивана Карамазова. Он, через покаяние в своих ошибках, пытается изменить себя, обрести покой, но не может победить в себе самом черта, свое негативное, отрицательное начало.

Для Достоевского свобода является одной из важнейших ценностей человека. Стремление к достижению этой ценности необходимо связано с отклонениями на неправильные пути, так как свобода всегда связана с риском и ответственностью и требует духовного мужества. Но чтобы достичь такого духовного мужества, нужно пройти путем проб и ошибок, так как именно через него открываются внутренние противоречия свободы. Кроме того, хотелось бы отметить, что Достоевский не определяет свободу как то, что можно однажды достичь и успокоиться. Поиск свободы — это вечный, постоянный процесс, поэтому и все герои писателя находятся в развитии.

Достоевский показывает нам, что человек с самого рождения обладает свободой. Процесс реализации свободы начинается с того момента, когда человек хочет свободы от всего: от всех устоев, принципов, стереотипов, даже от Бога. Для него Богом становится своеволие, произвол. Таким образом, свобода понимается не как инструмент для «осуществления своих неповторимых возможностей, отягощенное ответственностью» (Левицкий, 1984: 202), а как «безответственная игра возможностями» (Левицкий, 1984: 202). Здесь мы сталкиваемся с парадоксом свободы: желание абсолютной свободы — это путь к несвободе, зависимости от ложных ценностей.

Что такое абсолютная свобода? Если человек обретет ее, то он станет Богом. Сблазн обрести такую свободу создает иллюзию абсолютной независимости, свободу от всего. Чтобы достичь абсолютной свободы, надо проанализировать средства для достижения этой цели и раскрыть ее содержание.

Для достижения свободы от всего герои Достоевского выбирают преступление, путь зла. Но преступление тождественно свободе без ответственности, поэтому так же создает иллюзию, что стоит лишь раз решиться на него, то после будет все равно, не будет ни добра, ни зла, останется только «новый человек, счастливый и гордый» (Достоевский, 2008, I: 108). На самом деле, в действительности, совершив преступление, нельзя освободиться от всего, наоборот, человек еще больше поработается, его ждет тупик. Например, Смердяков, совершив преступление и покончив жизнь самоубийством, говорит о том, что в преступлении для него главным было не обогащение, в выход к вседозволенности. Но этого-то он и не достиг. Таким образом, преступление, как средство достижения свободы, оказывается недейственным, не дает человеку почувствовать себя «новым», «необыкновенным». Человек,

по мнению Достоевского, совершивший преступление, убить-то убил, а переступить так и не смог. Такое преступление уже есть кара, наказание, которое логически ведет к невозможности обрести свободу.

Далее перейдем к раскрытию проблемы содержания цели для тех, кто выбрал путь своеволия, путь зла. Из фразы Достоевского «Вся свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить» (Достоевский, 2008, I: 108), видно, что иллюзорная, мнимая свобода человека от всего — это абсолютная пустота, к которой отрицаются такие феномены, как жизнь и смерть. Там отсутствует и человеческая личность, которая деградирует и превращается в фикцию. Такое обезличивание ведет человека, стремящегося к абсолютной свободе, к мысли о ненужности свободы, так как он начинает чувствовать себя уже не личностью, а лишь «фортепьянной клавишей», деталью в механизме, он желает получить покой в механическом исполнении определенного набора функций. Однако, здесь человек вступает в противоречие с самим собой, так как будет постоянно стремиться к свободе и доказывать, что он не «штифтик». Зайдя в тупик при реализации абсолютной свободы, герои Достоевского создают социальные модели рая на земле, где человек будет счастлив, если отнять у него свободу. Своей наивысшей точки развития социальная модель получит в «Легенде о Великом Инквизиторе».

Великий Инквизитор обвиняет Бога в том, что он наделил человека свободой, которая является «страшным бременем» (Достоевский, 2008, II: 263) для него. Человек будет счастлив только тогда, когда избавится от нее. Говоря это, Инквизитор не дает человеку объединиться с Богом, он устраняет Его, замещая собой: «... мы дадим им (людям) тихое смиренное счастье слабосильных существ, какими они созданы» (Достоевский, 2008, II: 267). Инквизитор сознательно хочет отнять у человека свободу и презирает тех, кто выбирает путь несвободы. Таким образом, иллюзия об абсолютной свободе, свободе от всего, свободе без Бога реализуется через противоположное — через несвободу, через искажение, деформацию своей сущности. Далее Достоевский показывает нам ступени разрушения человеческой личности, которые связаны со свободой во зле.

Первая ступень свободы во зле проявляется в том, что мысль, идея, с помощью которой человек надеется получить абсолютную свободу, начинает поглощать его полностью. Идея, как огромный камень, падает на человека, он корчится, но освободиться не может. Идея придавливает многих героев Достоевского: Раскольников одержим идеей права на преступление, Ипполит — идеей самоубийства ради непримирения с естественной смертью, Иван Карамазов — идеей бунта. Очень часто идея противоречит желаниям человека, устанавливает над ним полный контроль. При этом человек не может отказаться от этой идеи, даже когда понимает, что она несостоятельна.

Существуют и другие ступени разрушения личности человека. Одна из них связана с существованием противоречия с самим собой, с раздвоением личности. Например, в романе «Идиот» Ипполит характеризует своих современников, как людей раздвоенных, которые не являются целостными личностями: раздвоен Рогожин, существующий между любовью и ненавистью; раздвоена Настасья Филипповна — между самыми высокими чувствами и бесстыдными поступками; раздвоен сам князь Мышкин, который, с одной стороны, проповедует добро, а, с другой, — выступает как больной и беззащитный ребенок. Как же Достоевский определяет раздвоение личности для человека? Оказывается, главным в данном случае является стирание, отсутствие границы между добром и злом, светлым и темным. Человек, идущий путем свободы во зло, становится равнодушным, безразличным и к добру, и к злу, так как эти состояния духа превращаются во что-то неопределенное, расплывчатое, аморфное.

В процессе распада человеческой личности, по мнению Достоевского, на смену духовной пустоте приходит одержимость злом: «Религиозная природа не терпит пустоты и раз душа пробудилась для Бога и, однако, не в силах родиться к новой жизни, обрести в Боге свое подлинное я ... она становится ... игрищем, медиумом злой силы, сама даже не будучи злой, и не убеждаемая, а принуждаемая ею к покорности» (Булгаков, 1989: 218).

Далее необходимо раскрыть, как Достоевский понимал одержимость. Добро и зло для него — это не абстрактные, а личностные понятия. Состояние добра рассматривается как процесс единения с Богом. Состояние же одержимости понимается как единение с личностными духами злобы, как зависимость от них.

Те герои Достоевского, которые разрушили свою личность, более реально чувствуют потусторонний мир, который наполнен отрицательной, темной, агрессивной силой и направлен против человеческой личности. Например, Иван Карамазов в бреду ведет спор с чертом, Дмитрий Карамазов объявляет, что черт убил его отца.

Одержимый злом, человек перестает быть собой, воспринимается как другая личность, не может бороться с разрушениями, идущими из него.

Таким образом, Достоевский проводит глубокий анализ состояний человека, пытающегося обрести абсолютную свободу во зло, вне единения с Богом. Ложные средства для обретения подлинной свободы приводят человека, по мнению Достоевского, к потере себя и рабству.

В заключении надо сказать, что изучение в высшей школе такой проблемы в творчестве Ф.М. Достоевского, как свобода, очень актуально для современной России, так как она непосредственно связана с духовным, нравственным самоусовершенствованием человека.

Литература

- Булгаков (1989). Булгаков С. Русская трагедия // Современная драматургия. 1989. №5.
- Давыдов (2008). Давыдов Ю.Н. Любовь и свобода: избранные сочинения. М., 2008.
- Достоевский (2004) I. Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2004.
- Достоевский (2004) II. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2004.
- Достоевский (1955). Достоевский Ф.М. Подросток. М., 1955.
- Достоевский (2006). Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2006.
- Левицкий (1984). Левицкий С.А. Трагедия свободы. Франкфурт, 1984.
- Соловьев (1990). Соловьев С.М. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Избранное. М., 1990.

Современное пространство культуры: «фазовые переходы»

*М. А. Чершинцева**

Мы находимся сегодня в подвижном культурном пространстве, полюсы которого традиционно разведены к сферам внутри- и надчеловеческого, а ориентиры представляют собой ряд переменных, — можно сказать, «культуральных переменных» — ряд сосуществующих внутри некой многосоставной системы смысловых центров культуры, изучаемых в рамках основных проблем современной культурологии. Пытаясь очертить круг этих проблем, тем, волнующих перманентно дискутирующее научное сообщество, мы неизбежно столкнемся со сложным явлением мозаичности современной культуры, предполагающей не столько широту возможного взгляда, сколько его «остроту», внимательность, даже изобретательность ученого-культуролога, ступившего на зыбкую почву культурального анализа, исследования феномена, с трудом поддающегося простому и ясному его определению.

Эта мозаическая, внешне хаотичная система, напомнит нам модель города будущего, воспетого в многочисленных футуристических утопиях, а ныне — оживающую, разрастающуюся каждой своей мельчайшей частицей. Только, в отличие от механистических городов фантастов XIX–XX веков, современный «мегаполис культуры» будто прячет от нас единый информационно-смысловой центр, заставляя бродить «усталых путников» по тесным улочкам истории, или мчаться по сверхскоростным магистралям стремительно развивающегося культурного пространства. Прислушаемся к шуму улиц

*Чершинцева Мария Александровна, старший преподаватель кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

нашего «города», к его «дыханию». Сквозь грохот индустриальных районов, воссоздающих ритм всеобщей глобализации, мы расслышим на чуть возвышающихся тонах гул человеческих голосов, при приближении образующий дискретный шумовой поток, — причудливый многоязыковой узор, сотканный из лоскутов национальных культур, еще живых традиций, соседствующих с калейдоскопическим набором субкультур, вплетенных, подобно цветной бисерной нити в полистилистическую культуральную ткань. Теперь «город» напомнит нам разросшуюся до мировых пределов средневековую рыночную площадь, пульсирующую хаотичными потоками людей, каждый из которых, однако, стремится к своей заданной цели, к центру притяжения, идя по извилистому, но точно направленному пути. Где центр этой площади? Всюду и нигде. Средневековая модель линейна, хоть и витиевата, а в нашем городе господствует вертикаль. На нее, как на многоэтажный остов, будто нанизаны прозрачные пластины — «палетки», позволяющие измерить культурные слои «мегаполиса», каждый из которых обладает собственной структурой, видимой лишь при определенном угле зрения, через определенную «пластину» — подход, культурологическую аналитическую модель. Поднимаясь от уровня к уровню, мы понимаем, что система становится все сложнее. Где центр трехмерного пространства последовательных наслоений? Он в постоянном движении. Одна система вплетается в другую, сквозь мозаику прочерчивается многомерный лабиринт. Пространство лабиринта таинственно, он «дремлет», пока не найдется смельчак, готовый в него войти. Таково пространство культуры, входящий в него искатель — ученый, хранитель лабиринта — человек.

Человек — единственный центр и точка отсчета любой культурной модели, исследовать которые возможно лишь в их движении. Насколько же сложна эта задача! Веками наука наращивала методологический аппарат, вступая в спор с беспочвенной умозрительностью, с неповоротливой догматикой. И каждый новый век менял «правила игры», требуя смены и самих моделей мышления задающего вопросы искателя истины. Пространство лабиринта сопротивлялось. И вот к веку XX, когда ученый мир достиг известной глубины поиска, сопротивление взорвалось к своей наивысшей точке. Тогда человек осознал себя в новом измерении изучаемого им мира, отличающемся своей всеохватностью от прочих, частных — в глобальном измерении культуры. Так обозначила себя новая наука — культурология. Идя по пути бесконечного вопрошания, исследуя мир вокруг, ученый искал «собеседника», способного ответить на все его вопросы, а нашел собственное отражение. Центром «лабиринта» оказалось зеркало, по ту и по другую сторону которого с тех пор и стоит сам человек.

Мы находимся сегодня в напряженном культурном пространстве, творя культуру и пожиная плоды своего труда. И как бы ни была велика наша тяга к абстрагированию, мы неизбежно сталкиваемся со своим отражением. И встреча эта не всегда бывает для нас приятной, во всяком случае, — всегда непростой. Хочется вернуться к старым моделям, найти внешнюю оппозицию, обвинить «главных архитекторов» нашего «мегаполиса» в открывающейся порой неприглядности, в разрастающихся горах «культурного мусора», производимого, в конечном счете, нами же, самими для себя «архитекторами». В отчаянии самообмана мы отдаемся потреблению культуры куда охотнее, нежели ее воспроизводству. Нам хочется верить, что «город» создан кем-то и для нас, забывая, что без каждого отдельно взятого человека пространство культуры иллюзорно. Мы с радостью меняем маски, в надежде спрятаться под ними, мы следуем моде, скрываясь в складках ее дорогих нарядов, играем в любую выдуманную нами игру, выдавая наскоро придуманные правила за истинные законы. Но меняющаяся со скоростью наших фантазий культура упорно дублирует каждый сделанный шаг, бликуя новыми отражениями. Мы ускоряем бег, пытаюсь успеть хотя бы в «последний вагон» инновационного «подвижного состава», пункт отправления которого — модернизация, а пункт прибытия — вожделенная неизвестность, и уже летим по знакомым магистралям на сверхскоростях, прочь от земли. Но мы, беглецы, преследуемые страхом, все же не в состоянии избавиться от собственного отражения, и пишутся новые строки новой главы культурной истории.

Отчаявшись в попытках скрыться, мы продаем культуру (и, что симптоматично, с большей охотой, нежели покупаем), превращая тонкий, символический штрих искусства в плотный товарный знак, художника — в производителя товара, творчество — в досуг, созданный для отдохновения «делателя-дельца». Мы наращиваем мускулы потребителя, соразмерно увеличиваемому буферу посредничества между человеком и отражающей его культурой, и вот уже потребитель симулирует собственную жизнь, празднуя временную победу в бою с самим собой.

«Город» бурлит. Отвлечемся теперь от его насущных забот. В дискретном шумовом потоке, сквозь гул человеческих голосов, чуть выше средних звуковых частот слышна негромкая речь: ученый задает вопрос хранителю лабиринта. Он хочет знать об этом лабиринте все, его ум пытлив, и дело здесь не в праздном любопытстве, ученый знает, что теперь ему придется быть хранителем лабиринта. Оберегать то, что прежде лишь изучалось — вот актуальная функция современной науки о культуре, примета нашего времени.

Почти сто лет назад Бердяев, уже покинувший к тому моменту после-революционную Россию, писал: «Рациональный день новой истории конча-

ется, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. (...) Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей. Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. (...) По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную»²².

Многое ли изменилось с тех пор? Что открылось нам в сумраке ночи, в «сиянии звезд»? Ослепительный свет классической культурной традиции, погаснув за горизонтом века XIX, действительно оставил в наследство XX веку «слепоту» взгляда, устремленного в будущее. Человек, не желающий, однако, да и не имевший возможности остановиться на пути своего развития, совершил отчаянный шаг вперед, шаг, сопровождаемый громогласным вызовом грядущим временам, криком от острой боли одиночества, оставленности. Свод экспрессионистских эмоций стал на краткий период истории азбукой художника, сформировавшей впоследствии новый художественный язык, сгенерировавший новые художественно-философские смыслы. Взрыв, бунт, а следом за ними — пугающая эмоциональная тишина, молчание человека, познавшего ужас войны. «Ночь», как и предсказывал Бердяев, открыла многое, слишком многое из того, что заставляет нас замолчать, погружившись на самое дно оцепененной душевной немоты.

Одна эпоха сменила другую, и в ожидании нового отсчета культурного времени человек будто погрузился в глубокий сон, где, словно пестрые листья, воспоминания прошедших времен чередовались друг с другом, смешиваясь, либо причудливо деформируясь во всевозможные «нео-стили». Тяжелые, мрачные образы постепенно отдалялись, растворяясь в безвременье, на их место приходили новые — легкие, манящие глубже в пространство сна. Наблюдая собственные видения, смотря на происходящее со стороны, мы научились быть лишь наблюдателями, утратив наивную веру, обрели первые крупинцы тщетного знания. Начался ли новый отсчет, или погружение во тьму самопознания остановило метрический пульс длящегося в искусстве време-

²² Бердяев Н. Новое средневековье. Интернет-источник [Зона доступа]: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm>

ни? Всматриваясь, мы заново учились воспринимать, привычка потреблять возникла естественно и почти незаметно. И вот все та же «дурная бесконечность», — нет, здесь ничего не изменилось, отсчет нового времени не начался.

Но подспудно, ища поддержку в себе же самом, человеческий разум продолжил прерванный ранее диалог человека со своим культурным «двойником», в игре отражений научный поиск стал на время единственной возможной опорой. На исходе XX века наука о культуре уже могла с уверенностью констатировать, говоря словами Аверинцева, что «...переход от одной эпохи к другой — не катаклизм, который можно датировать таким-то годом, но процесс, длящийся веками»²³. Уверенность эта была подкреплена проведенным глубинным анализом витиеватых, изредка «выныривающих» на поверхность, доступную объективному взгляду наблюдателя, культурно-исторических процессов. Ожидание «нового Средневековья», угаданное еще Бердяевым, стало вполне правдоподобным прогнозом грядущих культурных перемен.

Сегодня культурологи — своего рода хранители знания, посвященные в тайны культуры, потребляемой все еще «спящим» большинством. Но на смену фазе «культурного сна», когда все жизненно важные функции «организма» поддерживаются теорией культуры, приходит фаза «пробуждения» последней. Этот процесс мы можем наблюдать сейчас, он знаменуется возникновением и развитием разнообразных культурных практик, возникающих на первых порах почти стихийно, зависящих от прочных теоретических опор, но со временем организующихся во взаимосвязанную уравновешенную систему теоретико-практических соответствий. Третьей же фазой в этом постепенно нарастающем цикле должно стать «восстание» культуры — активное проявление истинно творческого «делания». Это период генерации новой культурной модели, диктующей новые законы, возделываемой новыми ее «творцами». Завершив этот глобальный процесс, участниками которого являемся и мы, наш «мегаполис культуры», пока что производящий статическое впечатление, получит «вдохновение жизни», обретет ясную органическую природу, «сердце» культуры вновь забьется, пробудившись од долгого «летаргического сна».

Культурология на современной стадии своего развития находится в состоянии непрерывного диалога ученых и практиков, художников, диалога, в котором становится особенно важно соотношение объективной позиции тео-

²³ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17.

ретика, намеренно апеллирующего к субъективной — практика. Именно таким образом классический научный подход последовательно модифицируется в практически-реализационный. И именно поэтому культурология естественным образом выбивается из стереотипического круга классических научных дисциплин. Однако расхождение это носит лишь внешний характер, поскольку погружение в художественную практику в данном случае равноценно «опытной зоне», экспериментальному пространству, исключение которого «обнулит» шансы получить в будущем действительно продуктивный культурный результат.

Позволим себе пофантазировать, воссоздадим идеальный образ современного ученого-культуролога, осуществляющего важную соединительную функцию, дающего жизнь второй фазе глобального трехфазового процесса «сна — пробуждения — восстания» культуры. Он трудится, подобно алхимику, склонившемуся над ретортами и символическими письменами, в виртуальной лаборатории творчества. Его работа — сложное «генетическое скрещивание» диаметрально разведенных полюсов внутри- и надчеловеческого, обнаруживающих однако в процессе творческого конструирования схожие содержательные элементы, необходимые человеку, осуществляющие постоянный смысловой обмен, обеспечивающие динамику культуры, необходимую напряженность культурфилософского дискурса. Какова гипотеза проводимого им эксперимента над культурной материей? Можно предположить, что ученый-практик пытается найти кратчайший путь к следующему фазовому переходу, к своеобразному «квантовому скачку» от теории к практике, от культурного потребления к культурной генерации. Понятие, предложенное физиком Нильсом Бором еще во втором десятилетии XX века, размежевавшее квантовую механику с классической через введение скачкообразного, а не плавного перехода системы из одного состояния в другое, с одного уровня энергии на другой, теперь представляется актуальным не только для физики, но и для культурологии.

Именно скачкообразный переход — активное культурное «делание», приводящее теоретические основы к свободе творческого воплощения — способен сгенерировать мощную энергетическую внутрикультурную трансформацию, «реанимировать» культурное пространство, пробудить в человеке функцию сотворца. Скачек от теории к практике, от рационального конструирования к творческому откроет и новые пространственно-временные параллели, актуализировав модели культурного прошлого («человек Леонардо») и культурного будущего (назовем эту гипотетическую модель «квантовый человек»). Таким образом восстановится цепь культурной традиции, объединяющей художественную практику, науку культурологию и только угадываемую сегодня «физику» культуры, функционирующую в нелинейном

пространстве «неевклидовой» геометрии, где вместо воображаемой исторической прямой нам встретится «вогнутая сфера» — иррациональная модель развития человеческого творчества, а культурологический опыт станет своеобразным «мостом» через бездну безвременья.

Мы находимся сегодня в становящемся культурном пространстве, ориентиры которого смещаются, подобно ряду переменных величин. Сейчас мы имеем возможность изучить и научно обосновать природу этого смещения, дать импульс работе, продолжить которую смогут уже следующие поколения ученых, также ищущих ускользающую истину, метафорическую «культурную константу».

Исследовательская деятельность в современном музее: суть и место

*С. П. Калита**

Одной из черт постмодернизма является размывание границ между высоким и повседневным, между серьезным и смешным, между объектом музейного показа (неважно каким — прялка XVIII века, ботфорты Петра Первого или современный арт-объект) и зрителем. Но размытые границы расслаивают, делают неопределенными и установленные когда-то единственно возможные значения. Значения тоже размываются, смыслы становятся аморфными. Для обозначения этих процессов используется новая смысловая конфигурация «ризомы». Ризома — это естественнонаучный термин, в биологии это понятие означает переплетение корня, подземных частей организма, их своеобразный сложный узор, главными характеристиками которого являются отсутствие единого центра и хаотичность. Таким образом, в ризоме отсутствует стержень, центральное ядро, к которому были бы сведены все остальные смыслы. Наоборот, разные смыслы принадлежат контексту, который не связан с ядром, а каждая точка ризомы связана с любой другой. Причем все эти точки подвижны, незафиксированы, изменчивы. Смысл становится результатом творческой деятельности, а так как нет ядра, нет единой шкалы — то, что казалось абсурдом сточки зрения традиционного рационализма, с постмодернистской точки зрения наделяется определенным смыслом.

Стало общим местом мнение, что постмодернизм создает текст из цитат, причем конструирует уже не столько автор, сколько зритель, вернее, автор нуждается в зрителе уже на этапе творчества, не столько как в зрителе,

* Калита Светлана Павловна, кандидат культурологии, директор Центра культурного наследия и инновационных проектов в культуре, искусстве и образовании Российского университета дружбы народов, доцент кафедры теории и истории культуры РУДН.

сколько как в соавторе, не после появления на свет результата творчества, а процессе его создания. Так, «организаторы музейного пространства стремятся к тому, чтобы вовлечь посетителя в сборку смысла выставки. В лабиринте текста и образов постмодернистский читатель и зритель как своеобразный творческий субъект, прокладывает себе путь и расширяет поле интерпретаций»²⁴. Причем зритель любой — неподготовленный, недостаточно образованный — но творит. В результате в последнее время нередко истина подменяется мнениями, достоверность — разумениями и представлениями. Любительские измышления становятся агрессивными, забывая научные выводы.

Конечно, в настоящее время роль музеев в обществе меняется, и работать им становится одновременно и сложнее, и интереснее. Есть в музее некий магнит, который притягивает любителей поэкспериментировать, перестроить музей в постмодернистском ключе.

Появляются новые возможности, технологии, практики, и это предъявляет к музейным работникам определенные требования, настраивает их на соответствие современности. Но все же музей — институт консервативный, пусть он как любой современный социокультурный институт подвержен влияниям общества и времени. И вот в музейном пространстве появляются «ризомы», которые выходят за границы ядра и живут самостоятельной жизнью. Но ядро музея, его смысл, его суть — это его фонды, коллекции, музейные предметы, которые являются свидетельствами прошлого в исторических музеях, произведениями искусства в художественных, образцами истории индустриального наследия в технических, образцами природного наследия в естественнонаучных, личные вещи великих деятелей — мемориальных и т.л.

И вот на музейном теле появляются и другие структуры, ничего общего с музейной сутью не имеющие. Чаще всего эти «ризомы» имеют культурно-развлекательную и досуговую направленность, что не удивительно: ведь «в отношении к фигуре читателя и зрителя особенностью постмодерна стало окончательное утверждение важности потребления, консьюмеризма — как образа жизни, так и термина социальной теории, без которого не обойтись при описании современной жизни. ... Потребление формирует идентичность, а также солидарность: мы есть то, что потребляем (как внешние предметы, так и образ самого себя). Музей же вынужден постоянно преодолевать собственную традицию, в которой он — инструмент идентичности, использующий иные ее механизмы»²⁵.

²⁴ Азаров К.В., Ларионов И.Ю. Постмодернистские основания музеефикации современной культуры // Музей в эпоху постмодерна. Репрезентация музея. СПб., 2010. С. 11.

²⁵ Там же.

Но несмотря на все постмодернистские веяния времени, современный музей все еще (или пока еще) остается именно музеем, не теряя своей музейной сущности, не перерождается в нечто иное, немuseumное. Как культурный институт памяти, транслирующий опыт поколений продолжает реализовывать социальные функции, изначально ему присущие. Потому что если эти функции будут утрачены, то музей не просто изменится. Он переродится, мутирует, станет не-музеем. Существует мнение, что современный музей должен превращаться в многофункциональный культурный комплекс, выполняющий роль социокультурного центра. Он должен осуществлять разработку и реализацию всевозможных программ и проектов, внедряя элементы маркетинга и рыночные механизмы. Собственно, в этом нет ничего плохого, если бы это все дополняло, а не подменяло базовую музейную деятельность — комплектование, хранение и изучение музейных предметов.

Сейчас во многих музеях наблюдается тревожная тенденция — научная работа сворачивается, сокращаются должности заместителей директора по науке. Зато появляются всевозможные отделы маркетинга, менеджмента, культурных инициатив, культурных проектов и т.д., сотрудники которых, не имея представления о содержании музейных фондов, энергично «проектируют» дорогу музея в светлое рыночное будущее. И ризома начинает множиться, «отгоняя» музейное собрание и все виды музейной деятельности на периферию музейного пространства, всячески сокращая музейную деятельность, которая, базируясь на музейном предмете, влияла и облагораживала экспозиционную и музейно-педагогические сферы. Исследовательская работа всегда была одним из важных направлений деятельности музея, причем специфической деятельностью, которую не сделаешь «из цитат», вовлекая в процесс зрителя. Для этого вида деятельности необходимы определенные, очень специфические знания, специальные навыки, музейное чутье, появляющееся с опытом и компетентность.

Именно в процессе реализации научных исследований музей как институт занимался комплектованием своих коллекций, изучал их и вводил в научный оборот. Собственно, само наполнение научно-исследовательской деятельности всегда находилось в прямой зависимости от состава коллекций конкретного музея, от его профиля, а также пребывало в тесном взаимодействии с концепцией музея и состоянием развития профильных дисциплин. Как уже отмечалось, основа исследований в музее — это музейные фонды, собственно исследовательская деятельность начинается с момента их комплектования. Причем речь идет о научном комплектовании, которое ведется в соответствии с концепцией комплектования, а не о простом, иногда случайном сборе экспонатов для экспозиций. Выделение предметов из среды бытования, их последующий учет и первоначальная систематизация и классификация за-

кладывают основу уже научной работы как таковой. Уже после этого посредством атрибуции и выявления свойств музейных предметов происходит дальнейшее музейное исследование, в результате которого рождается новое знание.

Как правило, изучение музейных предметов ведется на основе методов профильных наук. Так, природные объекты изучаются с помощью методов естественных наук: ботаники, зоологии, биологии, геологии, земледелия почвоведения и пр. Исторические памятники изучаются при помощи методов истории, ее вспомогательных дисциплин — источниковедения, археологии, фалеристики, бонистики, а также этнографии. Произведения искусства изучаются методами искусствоведения. Но при организации научно-исследовательской работы в музее любого профиля всегда следует учитывать музейную специфику в организации научного поиска.

Важное место в изучении музейного предмета занимает атрибуция — выявление присущих конкретному предмету признаков. В процессе атрибуции исследуются особенности предмета, дающие информацию о его функциональных особенностях, происхождении, бытовании, мемориальных свойствах. Свое место в атрибуции занимают физические параметры предмета, что, в свою очередь, влияет на выбор оптимального для каждого конкретного предмета режима хранения. Для этого определяется, из какого материала сделан тот или иной предмет, каким способом он изготовлен, является ли этот предмет образцом ручной работы и массового производства. Очевидно, что музейный предмет должен изучаться всесторонне: должны определяться вес, размеры, форма, устройство, время и место создания, наличие надписей, клейм, фабричных марок, а также геральдических знаков.

Разные музейные источники могут быть сделаны из разных материалов. Так, например, художественные источники или произведения искусства могут быть выполнены маслом, темперой, акварелью, пастелью, карандашом, гуашью и т.п. При проведении атрибуции художественных произведений надо рассматривать очень специфические характеристики. Например, следует изучить иконографию изображения, при необходимости провести рентгенографирование, позволяющее сравнивать с эталонными плотность грунта и красочного слоя, выявить количество живописных слоев, переписок первоначальной композиции, а также произвести технологический анализ произведения.

В произведениях, изображающих людей, особенно в портретах, важно определить, кто изображен, для чего изучается как биографическая, так и научная литература. Причем иногда установление того, кто изображен и кем изображен порой занимает много времени и осуществляется в несколько этапов, а иногда направление исследований может иметь очень извилистую траекторию. И, конечно, важным аспектом атрибуции является выявление социальной, этнической и авторской принадлежности предмета. Часто бывает, что

процесс изучения музейного предмета длится годами и может приобрести новое дыхание на следующем этапе развития профильной дисциплины. Информация, полученная при атрибуции музейных предметов, должна обязательно фиксироваться в музейных документах, чтобы не быть утраченной. Это учетная документация, научно-справочный аппарат музейных фондов, книги поступлений, инвентарные книги, акты приема, описи, путеводители по фондам, картотеки, каталоги и другие документы. Атрибутированный музейный предмет гораздо более информативен, его уже можно подвергнуть критическому анализу, интерпретировать, давать ему оценки. В процессе интерпретации можно делать выводы о подлинности, достоверности, репрезентативности музейного предмета, а также определить объем содержащейся в предмете семантической информации. Это, в свою очередь, даст возможность использования этой информации в профильных науках. На достаточном уровне изученности музейных предметов проводится каталогизация музейной коллекции, которая является одной из важнейших сторон научно-исследовательской работы и завершающей ступенью многих других сторон деятельности музея. В качестве определенного итога составляется аннотированный перечень музейных предметов, структурированный в определенном порядке. Это очень важный справочный вид документа, который может служить достоверным и репрезентативным источником для научно-исследовательских, просветительских, экспозиционных целей как в конкретном музее, так и в контексте профильных наук.

Полученные знания могут быть в основе выстраивания концепции экспозиционной и культурно-образовательной работы музеев. Важно выбрать правильные формы представления результатов музейных исследований. Ими могут быть экспозиции, выставки, доклады на конференциях, разные виды музейных публикаций (от каталогов и путеводителей до монографий) и т.д.

Для того, чтобы музей мог хранить свои фонды и передавать их из века в век, был реально институтом памяти, т.е. для реализации функции хранения важно выявить способность предмета сохраняться максимально длительный срок. Для этого проводится изыскание путей повышения физической сохранности музейных предметов, методов борьбы с их разрушением и новых принципов реставрации. Данные исследования имеют важную практическую ценность, ведь именно на их основе вырабатываются соответствующие практические рекомендации, следуя которым можно сохранять шедевры и раритеты веками. Эти рекомендации представляются важными для определения норм режима хранения и системы хранения, выбора методов консервации и реставрации, решения вопросов о возможности экспонирования предметов, подготовке их к публикации и экспонированию, участию в передвижных выставках и т.д.

При изучении музейного предмета выявляется его аттрактивность, коммуникативность, экспрессивность, а также принадлежность к уникальным или типовым предметам, что, в свою очередь, позволяет определить музейную ценность конкретного музейного предмета.

Исследования в музее позволяют определить место всех составляющих музейного собрания в системе профильной научной дисциплины. Также результаты научных исследований в музее используются при реализации сугубо музейной деятельности, которая считается специфической музейной публикацией — это демонстрация музейных предметов посредством экспозиций и выставки. Для их устройства важно изучить возможные интерпретации музейного предмета посредством музейного и общего источниковедения, что дает возможности разработать показ музейных предметов как в общекультурном ключе, так и контексте специального знания, при этом выделить разные уровни осмысления специалистами явлений и процессов, многообразие возможных интерпретаций. Для этого надо осуществить интерпретацию и группировку экспонатов на основе научного, сценарного и художественно-дизайнерского проектирования. То есть, по сути, объединять экспозиционные комплексы в специально выстроенные экспозиционные тексты.

Исследования по культурно-образовательной деятельности музеев отвечают на вопросы, как демонстрировать музейные экспозиции посетителя разных категорий, как учитывать психологические особенности восприятия разных аудиторий, как посетители относятся к электронным путеводителям (аудиогидам), насколько востребованы традиционные экскурсии с экскурсоводами и театрализованные костюмированные культурно-образовательные программы. К концу прошлого века в музейном деле распространился коммуникационный подход, который рассматривает посетителя как участника процесса коммуникации, собеседника и партнера музея, а не просто как получателя знаний и впечатлений. По одной из версий этого подхода, посетитель общается с сотрудником музея, а экспонаты служат предметом или средством этого общения.

Посредством музейной социологии можно выявить закономерности развития музея как социального института, его взаимоотношения с обществом, изучить особенности влияния музейной деятельности путем воздействия музейной экспозиции и различных форм музейной педагогики на разные категории посетителей. В своих исследованиях музейная социология, как и социология классическая, использует разнообразные, в том числе и многоуровневые методы: пилотажное исследование, мониторинг, наблюдение, опрос, анкетирование, интервьюирование т.д.

Таким образом, в музее необходимо проводить самые разные исследования, изучая и музейные предметы, и коллекции, которые их объединяют, и

экспозиции, которые выстраиваются из этих предметов, и посетителей, которые посещают эти экспозиции, не говоря уже о специфически хранительских направлениях. Без этих исследований музей будет просто хранилищем малоизвестных, а потому и малоценных вещей, а не почитаемых раритетов и подлинников.

Конечно, современный музей — это живой организм, и он неразрывно связан с меняющимися вкусами и мировоззренческими ориентирами публики. Но при этом любой музей, даже очень небольшой, обладает своим научным ресурсом, который может способствовать интеграции музея в решение проблем местного сообщества. Важно только, чтобы музеи при всей изменчивости современного мира оставались музеями в самом глубинном смысле, не трансформировались во что-то немuseumное, развлекательное и сиюминутное, не теряли своей основной сущности. Потому что музей как основной институт социокультурной памяти — это серьезный фактор общественной жизни и культурной самоидентификации местного сообщества, нации, государства.

Содержание

<i>Н.В. Захаров, Б.Н. Гайдин, Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Ч.К. Ламажсаа, В.А. Гневашева.</i> Модернизация культурологического образования: электронные ресурсы Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.....	3
<i>А.Я. Флиер</i> Культурная атрибуция как метод исследования.....	11
<i>А.П. Садохин, Ю.П. Шабает</i> Новые барьеры и границы на этнокультурном пространстве современной России.....	19
<i>О.А. Жукова</i> Диалоговые стратегии информационного общества и проблема культурологизации образовательного пространства.....	28
<i>А.А. Мелитонян</i> Роль межкультурного диалога в цивилизационном развитии.....	36
<i>Г.В. Панина</i> Образование как способ формирования личностной идентичности.....	39
<i>Г.А. Вострова</i> Философия театра: концепция и структура учебной дисциплины.....	47
<i>Н.С. Дубовицкая</i> Проблема свободы в творчестве Ф.М.Достоевского и ее актуальность для образования XXI века.....	54
<i>М.А. Чершинцева</i> Современное пространство культуры: «фазовые переходы».....	64
<i>С.П. Калита</i> Исследовательская деятельность в современном музее: суть и место.....	70

Научное издание

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА
VIII Международная научная конференция
Москва, 17–19 ноября 2011 г.
Доклады и материалы

Секция 5
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Выпуск 2

Ответственные редакторы:
доктор философских наук, доктор культурологии А. В. Костина
доктор филологических наук, профессор Вл. А. Луков

Издательство Московского гуманитарного университета
Печатно-множительное бюро
Подписано в печать 15.11.2011 г. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 5,0
Тираж 100 Заказ №
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности 5/1